

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

„Наставленіе для стрѣлковаго образованія пѣхоты и драгунъ“. 1866 г.—„Морской Сборникъ“ (1865 г. № 12 и 1866 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.).—„Педагогическій Сборникъ“ (№№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й 1866 г.). — По поводу статьи: „Описаніе мечети Азретъ“.

Наставленіе для стрѣлковаго образованія пѣхоты и драгунъ, составленное, по распоряженію военнаго министра, при штабѣ Его Великогерцоискаго Высочества инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ и рассмотрѣнное особою комисіею, созванною по высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ Его Великогерцоискаго Высочества. С.-Петербургъ. 1866.

„Наставленіе“ это высочайше утверждено 28-го іюня настоящаго года, при чемъ Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ принять его къ руководству въ войскахъ. (См. приказъ военнаго министра отъ 3-го іюля 1866 года, № 189.)

„Наставленіе для стрѣлковаго образованія пѣхоты и драгунъ“, какъ сказано во вступленіи къ оному, составлено съ цѣлію преподавать офицерамъ русской арміи всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимо имѣть имъ при обученіи солдатъ стрѣлковому дѣлу. Поэтому полагается, что каждый офицеръ части войскъ, обучающейся стрѣлковому дѣлу, долженъ знать это „Наставленіе“, какъ и другіе уставы о воинской службѣ. Слѣдовательно, на изданное „Наставленіе“ надо смотрѣть какъ на обязательный уставъ, которымъ долженъ руководствоваться каждый обучающій войска стрѣлковому дѣлу. При чемъ, какъ сказано въ „Наставленіи“, никто не имѣетъ права допустить уклоненіе отъ предписываемыхъ въ „Наставленіи“ правилъ или дать новую инструкцію. Если же, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ или по мѣстнымъ и другимъ условіямъ, встрѣтятся затрудненія къ точному выполненію изложенныхъ въ „Наставленіи“ правилъ, то командиры отдѣльныхъ частей

должны входить, по возможности, заблаговременно о томъ съ представленіемъ къ начальникамъ дивизій и другимъ, имѣющимъ съ ними равную власть, начальникамъ, а въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, по существующему порядку, къ инспектору оныхъ, излагая, въ чемъ должны состоять отступленія отъ „Наставленія“ и какія причины побуждаютъ прибѣгнуть къ подобнымъ отступленіямъ. Означенные начальники, если признаютъ подобныя представленія уважительными, разрѣшаютъ сдѣлать отступленія, объявляя о томъ въ приказахъ, и, въ то же время, о своихъ распоряженіяхъ обязаны сообщить въ главный штабъ.

Вышеизложенный взглядъ на обязательное значеніе „Наставленія“ безусловно ставитъ его въ уровень съ уставами въ кругу прагматической, строевой службы войскъ. Но, въ то же время, безъ сомнѣнія, это основное условіе не устраняетъ самаго вопроса о стрѣлковомъ образованіи войскъ изъ круга литературныхъ обсужденій. Самыя совершенныя дѣла подлежатъ общему закону послѣдовательнаго усовершенствованія. Почему вопросъ о стрѣлковомъ образованіи войскъ, какъ объ одной изъ главныхъ отраслей строеваго образованія солдатъ, будетъ попрежнему обращать на себя вниманіе редакціи „Военнаго Сборника“, которая, попрежнему, сочтетъ своимъ долгомъ помѣщать на страницахъ журнала всякое дѣльное заявленіе и мнѣніе, могущія служить для усовершенствованія стрѣлковаго дѣла въ нашей арміи.

Что же касается до содержанія „Наставленія“, составленнаго особою спеціальною комисією подъ предсѣдательствомъ Его Великогерцогскаго Высочества инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ (*), то мы, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этому важному и полезному для нашей арміи труду, считаемъ излишнимъ подробно знакомить съ нимъ нашихъ читателей, такъ какъ подобнаго рода книга должна быть настольною для всѣхъ пѣхотныхъ и драгунскихъ офицеровъ (**). Безъ сомнѣнія, упомянутое „Наставленіе“ обратитъ на себя вниманіе и всѣхъ вообще лицъ, интересующихся военнымъ дѣломъ.

(*) Комисія состояла изъ слѣдующихъ членовъ: генералъ-адъютанты: *Глинка-Маеринъ, баронъ Бистромъ*; свиты Его Величества генералъ-маіоры: *фонъ-Нотбекъ и графъ Шуваловъ*; полковники: *Гельфрейхъ, Цельцинскій, Голубовъ, и Смичаковъ*; подполковники: *Хитрово и Грессеръ*; капитаны: *Рейнсальдъ, Гуляевъ*; штабсъ-капитанъ *Сергѣевскій*. Дѣлопроизводитель, полковникъ *Мосоловъ*.

(**) Желательно бы было, чтобы подобнаго рода офиціальныя изданія продавались по наиболѣе умеренной цѣнѣ, доступной для средствъ каждаго офицера.

„Наставленіе для стрѣлковаго образованія пѣхоты и драгунъ“ заключаетъ въ себѣ достаточно полное собраніе указаній и свѣдѣній, необходимыхъ при обученіи войскъ стрѣлковому дѣлу. Книга раздѣлена на главы, изъ которыхъ въ 1-й главѣ изложено описаніе пѣхотнаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія; во 2-й главѣ—разборка и сборка ружья, его чистка и сбереженіе; въ 3-й главѣ — теорія стрѣльбы; въ 4-й главѣ — глазомѣрное опредѣленіе разстояній; въ 5-й главѣ — правила обученія стрѣльбѣ въ цѣль; въ 6-й главѣ—отчетность по обученію стрѣльбѣ въ цѣль; въ 7-й главѣ — награды за успѣхи по стрѣльбѣ; въ 8-й главѣ — производство смотровъ цѣльной стрѣльбы; въ 9-й главѣ — о патронахъ и пороховыхъ погребкахъ; объ обязанностяхъ завѣдывающаго пороховымъ погребомъ и часоваго у погреба, и правила, соблюдаемыя при перевозкѣ пороха; въ 10-й главѣ — о мишеняхъ, кружкахъ, указкахъ, ямахъ для махальныхъ и объ устройствѣ валовъ для стрѣльбы, и, наконецъ, въ 11-й главѣ—отчетность о производимыхъ починкахъ въ огнестрѣльномъ оружіи и отчетность объ огнестрѣльныхъ учебныхъ припасахъ. Кромѣ того, въ особомъ *прибавленіи*, помѣщены разнаго рода дополнительные свѣдѣнія, хотя и необязательныя для офицеровъ, какъ самое „Наставленіе“, но, тѣмъ не менѣе, весьма полезныя для нихъ, при ихъ спеціальной дѣятельности.

Морской Сборникъ 1865 г., № 12; 1866 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

Пересматривая статьи „Морскаго Сборника“ наименѣе спеціальныя, представляющія болѣе общій интересъ для лицъ военно-сухопутнаго вѣдомства, можно статьи эти, для удобства ихъ разсмотрѣнія, распредѣлить на три особыя категоріи, а именно: 1) статьи, относящіяся до русскаго флота и вообще до отечественнаго мореплаванія, 2) относящіяся до морскихъ силъ иностранныхъ государствъ и 3) статьи по разнымъ предметамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ морскому дѣлу.

Въ ряду статей первой категоріи болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ именно, которыя сообщаютъ свѣдѣнія, относящіяся до недавно введенныхъ въ нашемъ флотѣ броненосныхъ судовъ, и особенно мониторовъ, этой самой существенной и важной части нашихъ морскихъ силъ. Изъ такихъ статей

весьма значительный интересъ представляетъ: „Извлеченіе изъ записки о шхерномъ плаваніи мониторовъ въ 1865 году (въ № 6 „Морскаго Сборника“), г. М. Новосильскаго 2-го, который, какъ видно изъ статьи, самъ командовалъ во время этого плаванія однимъ изъ мониторовъ.

По мнѣнію г. Новосильскаго 2-го, шхерное плаваніе 1865 года имѣло большое значеніе. До этой кампаніи наши броненосцы еще не были окончательно испытаны, а потому вопросъ объ этихъ судахъ встрѣчалъ въ нашемъ флотѣ много сторонниковъ и противниковъ.

„Теперь же—говоритъ г. Новосильскій 2-й—общественное мнѣніе должно преклониться передъ серьезнымъ значеніемъ факта, а результаты кампаніи прошлаго лѣта такъ обильны фактами, что даютъ положительные отвѣты на всѣ искомые вопросы.

„Практическое плаваніе броненосной эскадры не только дало возможность ознакомиться и освоиться со всѣми особенностями новыхъ судовъ, но и фактически доказать ихъ превосходныя качества.

„Для мониторовъ кампанія эта имѣла еще тѣмъ большее значеніе, что, давъ возможность вполне испытать ихъ, въ то же время познакомила служащихъ на мониторахъ со шхернымъ плаваніемъ, съ его отличительнымъ характеромъ и этимъ доставила средство изыскать и точно опредѣлить, въ какой степени новыя суда отвѣчаютъ потребностямъ этого плаванія; какія удобства и неудобства представляются для мониторовъ въ этомъ плаваніи и, наконецъ, какое важное значеніе получаютъ шхеры, при созданіи въ нашемъ флотѣ новой силы, могущей съ успѣхомъ въ нихъ дѣйствовать.“

Предпославъ это вступленіе, г. Новосильскій 2-й излагаетъ нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ во время плаванія на мониторѣ. По специальности ихъ, мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя наиболѣе выставляютъ достоинства новыхъ судовъ, а также на нѣкоторыхъ соображеніяхъ автора относительно значенія, получаемого шхерами отъ употребленія въ нихъ мониторовъ.

Мониторы, между прочимъ, подвергались упреку, что они дурно слушаются руля, почему будто бы весьма трудно управлять судами этого рода. „Конечно—говоритъ г. Новосильскій 2-й—управлять мониторомъ не легко и плавать на немъ го-

раздо труднѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ деревянныхъ судахъ. Отчасти это происходитъ отъ характера мѣстности, гдѣ плаваютъ мониторы, а отчасти отъ особенностей, свойственныхъ судамъ этого типа; управленіе мониторами требуетъ постоянного, сосредоточеннаго и неуклоннаго вниманія. Но можно смѣло и безошибочно сказать, что мониторы способны пройти вездѣ, гдѣ по ихъ водоизмѣщенію будетъ достаточно глубины.“

Затѣмъ авторъ сообщаетъ нѣкоторыя практическія замѣтки о томъ, какъ слѣдуетъ управлять мониторомъ при проходѣ узкими и извилистыми фарватерами. Онъ считаетъ вполне необходимымъ, чтобы, для сдѣланія плаванія мониторовъ болѣе удобнымъ и безопаснымъ, было обращено по возможности большее вниманіе на исправность и аккуратность лоцмановъ, на вѣрность картъ шхеръ, а также на тщательную разстановку предупредительныхъ знаковъ, означающихъ направленіе фарватера.

Не останавливаясь на этихъ вопросахъ, перейдемъ къ наиболее интересному для насъ, именно къ вопросу о значеніи шхеръ въ отношеніи мониторовъ.

„До настоящаго времени — говоритъ г. Новосильскій — составъ и числительность судовъ не позволяли нашему флоту, въ войнѣ съ первоклассными морскими державами, дѣйствовать наступательно и играть активную роль; численное превосходство противника заставляло скрывать флотъ отъ ударовъ непріятеля въ главныхъ портахъ нашихъ, гдѣ, въ такихъ случаяхъ, кругъ его дѣйствій ограничивался тѣмъ, что вмѣстѣ съ фортами и батареями онъ служилъ защитой портовъ отъ нападенія непріятеля. При такихъ условіяхъ, сильнѣйшій противникъ могъ свободно ходить по нашимъ морямъ, избирать удобныя якорныя стоянки, безнаказанно истреблять коммерческія и каботажныя суда, неуспѣвшія вовремя скрыться, и нападать на второстепенные порты, приморскіе города и селенія. Такъ было въ войну 1800 года съ Англіей и въ послѣднюю англо-французскую кампанію. Наши шхеры, въ которыхъ могли дѣйствовать только пароходы, мелкія суда и гребная флотилія, замѣненная, со времени введенія винтоваго двигателя, винтовыми канонирскими лодками, не имѣя никакого стратегическаго значенія, оставались безъ самостоятельной защиты, и непріятель могъ свободно въ нихъ плавать. Старинная идея, что шхеры могутъ служить защитой противъ непріа-

теля и естественною преградою его предпріятіямъ, съ изобрѣтеніемъ паровыхъ судовъ оказалась несостоятельною.“

Но съ изобрѣтеніемъ броненосныхъ судовъ, и особенно со введеніемъ мониторовъ, значеніе шхеръ должно измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ флотъ можетъ получить болѣе самостоятельности. Обладая внутренними морями, изъ которыхъ главное—Балтійское—имѣетъ много заливовъ, покрытыхъ островами и шхерами, Россія можетъ извлечь изъ своихъ броненосцевъ весьма существенную пользу; только самая система постройки этихъ судовъ должна быть примѣнена къ береговой оборонѣ и совершенно отличаться отъ тѣхъ броненосныхъ судовъ, какія оказываются необходимыми для Англіи и Франціи. Для этихъ государствъ флотъ долженъ быть наступательною силою, вслѣдствіе чего ихъ броненосцы должны по преимуществу отличаться своею силою и мореходными качествами; напротивъ того, для такихъ государствъ, какъ Россія и Швеція, особенно важно имѣть суда, наиболѣе приспособленныя къ береговой оборонѣ.

„По моему мнѣнію—говоритъ г. Новосильскій 2-й—если въ Англіи и Франціи возстаютъ противъ системы постройки мелко-сидящихъ броненосныхъ башенныхъ судовъ и мониторовъ, если даже такіе авторитеты, какъ Ридъ и Дююи-де-Ломъ (*), опровергаютъ ихъ пользу и силу, то основаніемъ подобной идеи служить не дѣйствительная несостоятельность судовъ этого типа, но та причина, что башенныя суда и мониторы не отвѣчаютъ потребностямъ морскаго броненоснаго судна, почему Англіи и Франціи нельзя съ пользою употребить ихъ и нѣтъ настоятельной надобности имѣть въ составѣ своихъ флотовъ. Изъ первоклассныхъ морскихъ державъ только Америка, которая въ продолженіе всей послѣдней войны упорно держалась эриксоновской системы постройки броненосныхъ судовъ, т. е. мониторовъ, и Россіи выгодно и возможно имѣть въ своихъ флотахъ суда этого типа.“

Убѣдившись, во время шхернаго плаванія мониторовъ, въ отличныхъ качествахъ этихъ судовъ, г. Новосильскій полагаетъ, что, кромѣ первоначальнаго своего назначенія, т. е. защиты Кронштадта, мониторы, дѣйствуя во время войны въ шхерахъ, могутъ имѣть еще другое, болѣе важное назначеніе.

(*) Оба извѣстные современные кораблестроители, первый въ Англіи, второй во Франціи.

„По моему мнѣнію — говоритъ авторъ — главный центральный пунктъ сферы ихъ дѣйствія, конечно, долженъ находиться въ шхерахъ, въ которыхъ представляются два операціонныхъ базиса: Транзундъ (*) и Гельсингфорсъ. Независимо отъ первыхъ двухъ шхерныхъ базисовъ, представляется еще третій — въ Моонзундѣ (**). Находясь въ шхерахъ, мониторы, во-первыхъ, вполне обезпечиваютъ отъ нападенія Финляндію и главный портъ ея—Гельсингфорсъ; кромѣ того, находясь въ Транзундѣ, прикрываютъ отъ покушенія непріятеля важный стратегическій пунктъ — Выборгъ; во-вторыхъ, плавая въ шхерахъ и будучи сами въ безопасности отъ непріятеля, который, не имѣя броненосныхъ судовъ, приспособленныхъ къ шхерному плаванію, не будетъ въ состояніи дѣйствовать противъ нихъ съ выгодною для себя, эскадра мониторовъ можетъ значительно вредить непріятелю; держать его въ постоянномъ страхѣ нечаяннаго нападенія; не позволять ему разъединять силы, посылать отдѣльныхъ крейсеровъ и вообще, соображая свои движенія съ образомъ дѣйствій, планами и силами противника, будетъ въ состояніи всячески ему противодѣйствовать.

„Эскадра мониторовъ, дѣйствуя, во время войны, въ шхерахъ и Моонзундѣ или совокупно съ броненосцами другого типа и остальными деревянными судами нашего флота, можетъ принимать самое дѣятельное и полезное участіе въ отраженіи непріятеля по всему протяженію Балтійскаго моря, съ его заливами и проливами. Если планъ непріятельскихъ военныхъ дѣйствій не ограничится блокадою или атакою нашихъ портовъ и приморскихъ владѣній, но противникъ задумаетъ привезти десантъ и сдѣлать высадку въ какомъ-нибудь пунктѣ этой части нашей территоріи, то мониторы и въ этомъ случаѣ могутъ значительно помѣшать этой попыткѣ непріятеля, если не окончательно ее разрушить. Не говоря о Финляндіи, гдѣ мѣстность болѣе всего способствуетъ и благопріятствуетъ мониторамъ, они могутъ воспрепятствовать нападенію непріятеля и высадкѣ десанта около Кронштадта, у Выборга, Риги, Виндавы и другихъ пунктовъ Балтійскаго моря и его заливовъ. По моему мнѣнію, чтобы противодѣйствовать высадкѣ непріятеля въ одномъ изъ этихъ пунктовъ, положимъ около Кронштадта, главное условіе для мониторовъ, представляющее наиболѣе шан-

(*) Проливъ Транзундъ — ключъ Выборгскаго залива.

(**) Проливъ, отдѣляющій островъ Моонъ отъ берега Эстляндіи.

совъ успѣха, состоитъ въ томъ, чтобы находиться въ шхерахъ; затѣмъ, не допустивъ непріятельскій флотъ до мѣста высадки, соображаясь съ обстоятельствами и выбравъ удобное время, выйти изъ шхеръ и атаковать его въ морѣ.“

Такимъ образомъ, г. Новосильскій 2-й полагаетъ придать шхерамъ почти то значеніе, какое въ сухопутныхъ войнахъ имѣютъ укрѣпленные лагеря, въ которыхъ, укрываясь съ полною безопасностію, войска получаютъ возможность дѣйствовать при благоприятныхъ обстоятельствахъ противъ непріятеля и значительно затруднять его предпріятія. Нельзя не признать, что, дѣйствительно, при такомъ значеніи шхеръ, дѣйствія непріятельскаго флота въ Балтійскомъ морѣ будутъ чрезвычайно затруднены и оборона всего побережья достигнетъ весьма значительной силы. Но для того, чтобы извлечь возможно большую пользу изъ шхеръ, необходимо изучить ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, и, кромѣ того, необходимы еще люди, коротко знакомые съ характеромъ всего шхернаго плаванія, съ гидрографіей и топографіей этой мѣстности, знающіе всѣ шхерные фарватеры, проходы, выходы и входы, люди, которые, не затрудняясь, могли бы безопасно и навѣрно провести мониторы повсюду, гдѣ дозволить пройти ихъ водоизмѣщеніе, знакомые со всѣми особенностями и средствами, представляемыми шхерами. Однимъ словомъ, нужны такіе вожатые, которые своимъ развитіемъ, знаніемъ морскаго дѣла, близкимъ знакомствомъ съ мѣстностію и умѣньемъ управлять судами далеко превосходили бы нынѣшнихъ шхерныхъ лодмановъ и на вѣрность и преданность которыхъ правительству можно бы было вполне положиться.

Для образованія такихъ-то людей г. Новосильскій 2-й полагаетъ необходимымъ имѣть въ шхерахъ, независимо отъ установленныхъ теперь лодмановъ, еще нѣкоторое число офицеровъ, спеціальная обязанность которыхъ состояла бы въ совершенномъ изученіи шхернаго плаванія и которые въ военное время служили бы вожатыми для нашихъ броненосцевъ въ шхерахъ. По мнѣнію автора, предлагаемая имъ мѣра имѣетъ двоякую пользу: во-первыхъ, она даетъ занятіе офицерамъ, которымъ не представляется теперь особенной дѣятельности и которые для новаго боеваго флота будутъ, дѣйствительно, полезны своимъ развитіемъ, знаніемъ морскаго дѣла и преданностію правительству, исполняя въ военное время трудную роль

вожатыхъ; во-вторыхъ, лица эти, будучи специально образованы, не ограничатъ своихъ познаній умѣнемъ водить суда отъ одной станціи до другой, но, изучая шхеры, дѣлая промѣры въ своемъ участкѣ, вѣроятно, изыщутъ средства облегчить и упростить трудное въ настоящее время шхерное плаваніе.

Нельзя не признать рациональности предложеній, дѣлаемыхъ г. Новосильскимъ, и не порадоваться, что вновь введенныя суда, стоившія весьма значительныхъ денежныхъ затратъ, оказываются весьма существенною силою для упроченія безопасности нашего отечества именно съ наиболее слабой, морской стороны.

Противъ мониторовъ и вообще броненосныхъ судовъ нерѣдко слышатся также упреки, что они представляютъ большія невыгоды въ гигиеническомъ отношеніи и что здоровью командъ на нихъ угрожаетъ болѣе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, чѣмъ на обыкновенныхъ судахъ. Въ несправедливости этого упрека убѣждаетъ статья г. Д. Мерцалова: „О значеніи вмѣстимости и аэраціи“, помѣщенная въ № 3-мъ „Морскаго Сборника“. Авторъ прямо говоритъ: „Практическаго рода наблюденія показали намъ, что мониторы и вообще броненосныя суда не угрожаютъ здоровью нижнихъ чиновъ, а равно и морская жизнь на нихъ нисколько не тяжелѣе, чѣмъ и на обыкновенныхъ судахъ. Мы увѣрены даже, что настоящее время (періодъ созданія желѣзныхъ судовъ) есть самое неблагоприятное для наблюденій, почему мы теперь видимъ, можетъ быть, наихудшіе результаты, какіе только могутъ дать эти суда. Для всякаго все ново, непривычно; всякая работа требуетъ болѣе усилій, болѣе времени; всякое улучшеніе нуждается въ опытѣ, и на него смотрятъ недоувѣрчиво. Все это въ совокупности и придаетъ всему видъ осложненный, какъ бы тяжелый. Но пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и привычка вмѣстѣ съ полнымъ пониманіемъ всѣхъ мелочей дѣла быстро подвинутъ къ лучшему все, что теперь кажется очень сомнительнымъ“.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, авторъ разсматриваетъ теоретическія данныя, которыя даютъ, въ свою очередь, довольно большое право утверждать, что броненосныя суда заключаютъ въ себѣ всѣ условія для того, чтобы жизнь морская была на нихъ не хуже той, которая существовала до сихъ поръ на деревянныхъ судахъ.

Не имѣя мѣста приводить здѣсь все содержаніе статьи г. Мерцалова, мы не можемъ однако не остановиться на сообщае-

мыхъ имъ данныхъ, относящихся до сравненія вмѣстимости прежнихъ и новыхъ судовъ, или, точнѣе говоря, вмѣстимости той части ихъ, которая служитъ жилищемъ для экипажа. Надо замѣтить, что отъ вмѣстимости судна зависитъ удобство размѣщенія команды, составляющее одно изъ важнѣйшихъ условій морской гигиены. Вотъ данныя, приводимыя авторомъ по этому предмету для разныхъ судовъ, какъ прежнихъ деревянныхъ, такъ и новыхъ желѣзныхъ:

На мониторахъ: на каждаго матроса приходится 58,5, а на каждаго офицера 559,7 кубическихъ футовъ.

На броненосной двухбашенной лодкѣ „Смерчъ“: на каждаго матроса 168,3, а на каждаго офицера 483 кубическихъ фута.

На деревянныхъ судахъ прежней архитектуры:

На клиперахъ „Яхонтъ“ и др.: на матроса 56,6, а на офицера 310,3 кубическихъ фута.

На корветѣ „Гридень“: на каждаго матроса 51,3 кубическихъ фута.

Изъ этого нетрудно усмотрѣть, что на судахъ новой конструкции данныя для помѣщенія людей нѣсколько благоприятнѣе, а на лодкѣ „Смерчъ“ даже гораздо лучшія; слѣдовательно, одно изъ важныхъ условій судовой гигиены ими удовлетворяется въ той же мѣрѣ, какъ мы видимъ и на лучшихъ винтовыхъ судахъ послѣдней архитектуры.

Но кубическая вмѣстимость дѣлается болѣе или менѣе способною къ жизни, смотря по тому, въ какой степени она можетъ быть провѣтриваема. И въ этомъ отношеніи броненосныя суда, какъ доказываетъ г. Мерцаловъ, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ всякія другія: вслѣдствіе одной естественной вентиляціи броненосцы провѣтриваются отнюдь не хуже прежнихъ судовъ; да сверхъ того они имѣютъ еще и искусственную вентиляцію, которая, напримѣръ, на мониторахъ, даетъ внутрь судна, въ каждый часъ, 54,880 кубическихъ футовъ воздуха. Все это приводитъ къ очевидному результату, что желѣзныя суда, удовлетворяя главнѣйшимъ требованіямъ морской гигиены, не должны никакимъ образомъ представлять что-либо опасное для здоровья обитающихъ на нихъ.

Не довольствуясь этими указаніями, противники мониторовъ могутъ однако утверждать, что служба на нихъ болѣе невыгодна въ гигиеническомъ отношеніи, чѣмъ на прежнихъ судахъ, приводя въ доказательство своего мнѣнія то, что кампанія

прошлаго года была не совсѣмъ благоприятна относительно здоровья нижнихъ чиновъ, особенно сравнительно съ кампаніей 1864 года. Чтобы возражать на этотъ упрекъ, надо бы имѣть подъ руками медицинскій отчетъ морскаго вѣдомства за прошлый годъ, но и безъ этого отчета, на основаніи одной изъ статей въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ „Морскаго Сборника“, можно убѣдиться, что если болѣзненность и смертность и значительны во флотѣ, то должны быть приписываемы не службѣ на броненосныхъ судахъ, а совершенно другимъ причинамъ. Помнятая статья носить заглавіе: „О потребности лучшаго формированія морскихъ командъ“ (въ № 2-мъ „Морскаго Сборника“) и принадлежитъ также г. Д. Мерцалову. Въ числѣ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на увеличеніе числа больныхъ въ морскихъ командахъ въ прошлогоднюю кампанію, г. Мерцаловъ обращаетъ особое вниманіе на двѣ, а именно: 1) что еще до начала кампаніи состояніе здоровья командъ было нехорошо вслѣдствіе эпидемическихъ послабляющихъ лихорадокъ и пятнистаго тифа, господствовавшихъ въ зиму 1864 года; 2) что вообще значительная часть морскихъ командъ отличается слабосиліемъ.

Устраненіе первой причины, находящейся въ связи съ эпидемическимъ началомъ, въ власти и знанія человѣка; но вторая причина вполнѣ устранима: она можетъ быть ослаблена лучшимъ сформированіемъ морскихъ командъ.

Замѣчательно, что вообще болѣзненность и смертность во флотѣ болѣе значительны, чѣмъ въ сухопутныхъ войскахъ. Какъ приводитъ г. Мерцаловъ, это замѣчено было еще въ 1863 году, при составленіи отчета по кронштадтскому госпиталю: во флотѣ на каждую 1,000 людей заболѣвало 431,2, а умирало на то же число людей 19,8; въ сухопутномъ же вѣдомствѣ на каждую 1,000 заболѣвало 285,5 человѣкъ, а умирало 10,5. Въ Англіи, по отчету, обнимающему для сухопутныхъ войскъ 1861 годъ, а для флота 1860, видно, что собственно въ Великобританіи въ арміи въ 85,955 человѣкъ на каждую 1,000 заболѣвало 1,025, а умирало 9,24; во флотѣ же въ составѣ 23,560 матросовъ на каждую 1,000 заболѣвало 1,100, а умирало 14,7 человѣкъ. Болѣе значительную смертность между нашими матросами сравнительно съ англійскими г. Мерцаловъ объясняетъ разницею между нашимъ матросомъ и матросомъ англійскаго флота: послѣдній поступаетъ на военное

судно уже вполне сформированнымъ матросомъ, коротко знакомымъ со всѣми невзгодами морской службы, между тѣмъ какъ нашъ непривыченъ къ морской жизни, и для него слишкомъ тяжелъ переходъ отъ прежняго быта къ совершенно новой для него службѣ.

Этимъ же самымъ можетъ отчасти быть объяснена разница въ смертности, замѣчаемая въ нашихъ морскихъ и сухопутныхъ командахъ. Но главную, существенную причину разницы г. Мерцаловъ признаетъ въ трудности морской профессіи сравнительно со службою солдата. „Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ—вникая въ жизнь и службу солдата и матроса, нетрудно замѣтить между ними большую разницу, со всѣми неблагоприятными условіями для послѣдняго. Казуистика бѣлѣзней солдата по большей части такъ же проста, какъ самая жизнь и служебная обстановка его, т. е. что нынѣ, то будетъ и завтра. Совершенно противное представляетъ морская служба, гдѣ завтра весьма часто сокрыто въ непроницаемомъ туманѣ. Какъ на одно изъ худыхъ обстоятельствъ сухопутной службы указываютъ на походы съ одного мѣста на другое; но должно замѣтить, что это составляетъ явленіе весьма не частое, а во-вторыхъ, если не быть большимъ пессимистомъ, то оно не заключаетъ въ себѣ особенно много худаго. Положимъ, переходъ сдѣланъ подъ неблагоприятными условіями, т. е. солдатъ промокъ, прозябъ, усталъ до изнеможенія; но затѣмъ онъ все-таки приходитъ въ теплую казарму или избу, гдѣ просушивается, согрѣвается, хорошо ѣстъ и наконецъ спитъ непробуднымъ сномъ часовъ двѣнадцать вряду. Возьмемъ теперь положеніе матроса, промокшаго до костей во время работы на суднѣ, при чемъ онъ озябъ и усталъ. Гдѣ, какимъ образомъ и скоро ли онъ просушить свое платье? Какимъ тепломъ онъ будетъ согрѣваться? Кто можетъ поручиться, что его черезъ часъ не вызовутъ наверхъ и онъ снова не будетъ мокръ съ ногъ до головы, а о снѣ потомъ и думать уже нечего, потому что ночь прошла. Мы не намѣрены писать полнаго трактата о причинахъ бѣлѣзней солдатъ и матросовъ, но взятыя нами два факта, неблагоприятно дѣйствующіе на здоровье, одинъ изъ жизни солдата, а другой повседневный изъ жизни матроса, намъ кажутся весьма достаточными, чтобы дать понять, насколько больше данныхъ разстроить здоровье въ морской службѣ. Съ другой стороны также становится очевиднымъ, какимъ

образомъ, несмотря ни на какую предусмотрительность и заботу, истощаются силы матроса и чрезъ что хроническія болѣзни дѣлаются неизлечимыми, а острия, попадая на истощенный организмъ, часто ведутъ къ худому исходу. Присоединимъ еще къ этому разнаго рода увѣчья, столь частыя на кораблѣ, вслѣдствіе сложности работъ, и, обратно, весьма рѣдкія у солдата, тогда еще понятнѣе станетъ причина болѣе значительнаго у насъ заболѣванія.“

Сравнивая затѣмъ сухопутнаго солдата съ матросомъ по удобствамъ расквартированія, въ отношеніи обмундированія и пищи, г. Мерцаловъ показываетъ, какъ много имѣется на берегу данныхъ къ сохраненію здоровья не только крѣпкаго организма, но и посредственнаго, и на сколько, въ то же время, существуетъ данныхъ сгубить слабосильныхъ субъектовъ на водѣ. „Мы не много погрѣшимъ—продолжаетъ онъ—если скажемъ, что и для вполне здороваго человѣка, но непривыкшаго къ морю, есть всѣ условія подорвать здоровье, при самой обыкновенной морской службѣ. Вышеупомянутыя же указанія заставляютъ насъ также сказать, что, при одинаковой заботливости о людяхъ въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, никогда нельзя ожидать одинаковыхъ результатовъ какъ касательно заболѣванія, такъ и смертности: та и другая цифра всегда у насъ должна быть больше, въ особенности если правила для опредѣленія въ морскую службу будутъ тѣ же, что и въ сухопутную.“

Все это приводитъ автора къ тому заключенію, что правила для формированія морскихъ командъ должны быть другія, чѣмъ для военно-сухопутнаго вѣдомства, и что для флота непременно должны быть назначаемы люди сильные, хорошо развитые физически, а также и съ большимъ нравственнымъ развитіемъ. Кромѣ того авторъ находитъ, что было бы не лишне, если бы обратили вниманіе и на то, какихъ губерній люди болѣе способны переносить жизнь на морѣ. „Не хотимъ выдавать за неопровержимый фактъ—говоритъ г. Мерцаловъ—но наши собственные наблюденія и мнѣнія другихъ врачей указываютъ положительно, что люди Эстляндской губерніи (вообще называемые у насъ чухонцами) мало способны переносить морскую службу, и изъ нихъ всего чаще являются какъ скорбутныя, такъ и вообще худосочныя, слабыя, безтолковыя люди. Обратное замѣчается въ людяхъ Архангельской губерніи и нѣ-

которыхъ губерній южной полосы Россіи. Хотя намъ небезъизвѣстно, что существуетъ положеніе, по которому во флотѣ принимаются люди извѣстныхъ только губерній, но, какъ намъ кажется, это распредѣленіе составлено болѣе на теоретическомъ соображеніи, чѣмъ на статистическихъ данныхъ, чему отчасти смужитъ доказательствомъ то, что въ упомянутое положеніе вошла Эстляндская губернія.“

Настаивая на необходимости лучшаго подбора людей для морскихъ командъ, г. Мерцаловъ особенно находитъ это нужнымъ для броненосныхъ судовъ и мониторовъ, гдѣ людямъ представляется весьма много самой тяжелой работы, а между тѣмъ число ихъ не можетъ быть произвольно увеличиваемо, напротивъ оно должно быть ограничено самымъ незначительнымъ числомъ, что считается вполне необходимымъ для сбереженія здоровья команды. Нельзя не признать справедливости доводовъ г. Мерцалова, и надо надѣяться, что морское наше вѣдомство, сдѣлавшее уже въ послѣднее время столь много для усиленія и улучшенія флота, не упуститъ изъ виду и этого чрезвычайно важнаго вопроса, относящагося до комплектованія его людьми.

Вмѣстѣ съ необходимостію измѣненія системы комплектованія нашего флота людьми является не менѣе настоятельная необходимость въ томъ, чтобы приняты были мѣры для возможно-большаго нравственнаго развитія той массы нашего населенія, изъ которой по преимуществу набираются матросы. Объ этомъ давно уже хлопочетъ г. Х. Вольдемаръ, который въ своихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ еще съ 1860 года въ „Морскомъ Сборникѣ“, постоянно настаиваетъ на необходимости учрежденія у насъ народныхъ морскихъ школъ: на удобныхъ пунктахъ нашего балтійскаго побережья—для латышей и эстовъ, а на берегахъ Ладожскаго и другихъ озеръ—для русскихъ рыбаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Вольдемаръ представляетъ необходимость кореннаго измѣненія въ существующей у насъ кронштадтской ротѣ морскаго мореплаванія, которая стоитъ весьма дорого, а между тѣмъ приноситъ чрезвычайно мало пользы нашему морскому дѣлу. Этимъ же важнымъ вопросамъ посвящена статья того же автора: „О предстоящемъ преобразованіи нашей системы школъ торговаго мореплаванія (въ № 7-мъ „Морскаго Сборника“). Изъ статьи видно, что, важный вопросъ объ учрежденіи народныхъ морскихъ школъ и о преобразованіи кронштадтской роты торговаго мореплаванія

далекъ еще отъ разрѣшенія, несмотря на то, что по даннымъ, приводимымъ г. Вольдемаромъ, въ учрежденіи народныхъ морскихъ школъ чувствуется самая настоятельная необходимость, сознаваемая самими жителями балтійскаго побережья. Нельзя не пожалѣть, что дѣло это такъ медленно движется впередъ и что до сихъ поръ еще встрѣчаются противники полезныхъ и чрезвычайно важныхъ по своимъ послѣдствіямъ предложеній г. Вольдемара.

Въ заключеніе обзора статей, относящихся собственно до нашего флота, нельзя не обратить вниманія читателей на весьма интересный историческій очеркъ извѣстнаго нашего академика Н. Г. Устрялова, помѣщенный въ 4-мъ № „Морскаго Сборника“ подъ заглавіемъ: „О навигаторахъ и гардемаринахъ Петра Великаго 1707—1716“, а также на историческую статью г. С. Елагина въ № 1 — „Утвержденіе Россіи на балтійскомъ побережьи“.

Переходя къ разряду статей разсматриваемыхъ нами номеровъ „Морскаго Сборника“, относящихся вообще до морскихъ силъ разныхъ государствъ, прежде всего мы должны указать на отдѣлы „О броненосномъ судостроеніи“ и заграничной хроники, въ которыхъ заключается огромная масса матеріаловъ, относящихся до флотовъ почти всѣхъ государствъ дѣлаго свѣта. Но матеріалы эти представляются въ видѣ слишкомъ отрывочныхъ и несгруппированныхъ въ систему данныхъ, а потому, не останавливаясь на нихъ, обратимъ вниманіе нашихъ читателей на рядъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ номерахъ „Морскаго Сборника“, дающихъ болѣе полныя, а главное сведенныя уже въ систему свѣдѣнія объ иностранныхъ флотахъ. Статьи эти состоятъ изъ „Очерковъ современнаго состоянія морской артилеріи“, г. В. С—аго (въ №№ 2, 4 и 6-мъ) и изъ „Публичныхъ лекцій изъ корабельной архитектуры, читанныхъ въ Кронштадтѣ въ февралѣ и мартѣ 1866 года“, г. М. Окунева. Всѣхъ лекцій напечатано три (въ №№ 5, 6 и 7-мъ), и хотя отчасти содержаніе ихъ слишкомъ специально для неморяковъ, однако въ нихъ заключается немало интересныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи флотовъ разныхъ морскихъ державъ.

Въ очеркахъ современнаго состоянія морской артилеріи находимъ, между прочимъ, весьма обстоятельныя свѣдѣнія объ орудіяхъ, употребляемыхъ и испытываемыхъ въ разныхъ морскихъ государствахъ. Пользуясь этими свѣдѣніями, представимъ

нѣкоторыя наиболѣе интересныя данныя о современномъ состояніи морской артилеріи въ разныхъ государствахъ.

Во флотѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ употребляются слѣдующія орудія: Родмана 15-дюймовыя гладкостѣнные, Дальгрена 11 и 9-дюймовыя, Паррота наръзные: 150-фунт. (8-дюйм.), 100-фунт. (6,4-дюйм.), 60-фунт. (5,3-дюйм.) и 30-фунт. (4,2-дюйм.); сверхъ того есть 10-дюйм. и 8-дюйм., которыя однако не отпускаются на суда, а для вооруженія преимущественно гребныхъ судовъ предназначаются 12 и 20-фунт. наръзные мѣдныя орудія Дальгрена.

До сихъ поръ американцы старались изготовлять всѣ орудія большихъ калибровъ изъ чугуна, но недавно стали прибѣгать и къ стали, которая безспорно можетъ назваться лучшимъ матеріаломъ для приготовленія артилерійскихъ орудій. Изъ испытываемыхъ въ послѣднее время орудій слѣдуетъ обратить вниманіе на 20-дюйм. орудіе Родмана, опыты надъ которымъ дали вполнѣ удачныя результаты, вслѣдствіе чего, вѣроятно, скоро будутъ вооружать этими орудіями какъ приморскія крѣпости, такъ и башенныя суда. Сообразно съ тѣмъ и предположено имѣть двухъ родовъ 20-дюйм. орудія. Орудіе этого калибра, предназначенное для флота, имѣетъ слѣдующія главныя размѣренія: длина его 17 футовъ, длина канала 13 фут. 7 дюйм., діаметръ у дула 2 фута 10 дюйм., а у тарели 5 фут. 4 дюйма. Вѣсъ этого гигантскаго орудія около 3,100 пудовъ.

Изъ наиболѣе удачно-испытанныхъ въ послѣднее время въ Америкѣ орудій замѣчательны: наръзная желѣзная пушка *Эмса*, желѣзная гладкостѣнная пушка *Эриксона* и орудія *Вудбриджа* и *Гетлинга*. Пушка Вудбриджа вѣситъ 167 фунтовъ; вѣсъ заряда 1 фунтъ, а снаряда $7\frac{3}{4}$ фунта. Орудіе это выдержало необыкновенно сильное испытаніе. Замѣчательная и неслыханная доселѣ крѣпость пушки происходитъ отъ особеннаго ея устройства: она состоитъ изъ сердечника толщиной въ $\frac{1}{4}$ дюйма; кругомъ его туго наматывается тонкая стальная проволока до толщины 1 дюйма; послѣ этого пушка нагрѣвается до высокой температуры и погружается въ расплавленную массу бронзы; черезъ это получается орудіе, которое не иначе можно разорвать, какъ чрезвычайно огромнымъ зарядомъ. Что касается пушки Гетлинга, то она состоитъ изъ шести камеръ, вращающихся около центральнаго ствола, посредствомъ мотыля; это, такъ сказать, пушка-револьверъ; она выбрасываетъ отъ 75 до

100 пуль въ минуту. Сѣверо-американскіе офицеры весьма хвалятъ дѣйствительность этого орудія; но намъ кажется, что можно усомниться въ его прочности и практичности.

Въ Англіи произведенъ рядъ обширныхъ и дорогихъ опытовъ надъ различными системами наръзныхъ орудій, но до сихъ поръ нѣтъ еще вполне надежнаго морскаго наръзнаго орудія, и суда флота продолжаютъ вооружать гладкостѣнными орудіями. Современная артилерія Англіи состоитъ изъ орудій: 1) 100-фунт. гладкостѣнныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ пушекъ Коммерсета; ихъ всего находится на службѣ 35, и дальнѣйшее приготовленіе ихъ остановлено, такъ какъ они слабо дѣйствуютъ противъ брони; 2) 12-тонныя пушки еще испытываются и окончательно не усовершенствованы; 3) 600-фунт. пушки и 7-дюйм. наръзные также еще испытываются; 4) 110-фунт. пушки Армстронга переименованы въ „7-дюйм. состоящія на службѣ пушки“; ихъ болѣе всего въ вооруженіи флота, но онѣ оказываются неудовлетворительными. Затѣмъ имѣются еще 70, 40 и 12-фунт. пушки Армстронга, которыя всѣ далеки отъ совершенства.

Болѣе всего въ послѣдніе годы испытывались въ Англіи разныя орудія Армстронга и Уитуорта; но, судя по газетнымъ статьямъ, какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ недостатки, которые, по всей вѣроятности, не позволяютъ ввести ихъ въ употребленіе.

Кромѣ того въ послѣднее время было испытано множество различныхъ системъ орудій, какъ-то: орудія Мекеля, Блекли, Парсона, Пализера, Ричардса, Хетгинсона, Фразера и др., съ которыми читатели „Военнаго Сборника“ болѣе или менѣе знакомы по обзорамъ „Артилерійскаго Журнала“ и по статьямъ „Иностраннаго Военнаго Обозрѣнія“.

Изъ всѣхъ европейскихъ державъ только одна Франція успѣла вооружить свой флотъ наръзною артилерією, употребивъ для этого 30-фунт. наръзные, скрѣпленныя кольцами пушки, заряжающіяся съ дула, и такія же, заряжающіяся съ казны. Но орудія эти считаются самими французами переходными, которыя слѣдуетъ замѣнить болѣе дѣйствительными, по указанію опыта, пушками.

Такъ какъ о французской морской артилеріи вообще имѣется очень мало свѣдѣній, то считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя главнѣйшія данныя изъ рассматриваемой статьи „Морскаго Сборника“.

30-фунт. пушки передѣланы изъ прежнихъ чугунныхъ; заряжающіяся съ дула утверждены въ 1862 году; онѣ имѣютъ три нарѣза, стрѣляютъ цилиндрическо-овальными пустотѣлыми снарядами, сферическими ядрами и стальными сплошными снарядами въ 109-фунт.; эти послѣдніе снаряды съ разстоянія 100 метровъ (около 50 сажень) пробиваютъ плиты въ 4,33-дюйм. толщиною, а съ разстоянія отъ 100 до 300 метровъ (145 сажень), не пробивая плитъ, остаются въ нихъ. Прочность орудій считается удовлетворительною. 30-фунт. орудія, заряжающіяся съ казны, почти такого же устройства, но имѣютъ механизмъ для запиранія казенной части, основанный частію на идеѣ американца Кастмена и считающійся весьма удовлетворительнымъ.

Первые опыты надъ болѣе дѣйствительными орудіями противъ 30-фунт. начались во Франціи еще въ 1861 году, именно начали испытывать стальные нарѣзные орудія, заряжающіяся съ казенной части; но опыты велись чрезвычайно секретно, и хотя неизвѣстны положительно ихъ результаты, но кажется, что стальные орудія уже есть въ вооруженіи флота. Кроме того, во французскомъ флотѣ употребляютъ еще 50-фунт. гладкостѣнные пушки; упоминается о 50-фунт. нарѣзныхъ пушкахъ и нарѣзныхъ единорогахъ 8,65-дюйм. калибра; наконецъ, надо предполагать, что есть еще на испытаніи нарѣзные орудія самыхъ большихъ калибровъ, а именно 26-сантиметровая (10,2-дюйм.) пушка, стрѣляющая снарядомъ въ 439 фунт. Подробности о всѣхъ этихъ орудіяхъ содержатся въ глубокой тайнѣ.

Въ прусской морской артиллеріи употребляются слѣдующіе роды орудій: гладкостѣнные: 68-фунт. бомбовыя, 36-фунт. №№ 1, 2, 3 и 4, 30-фунт. №№ 1, 2, 3 и 4, 12 и 24-фунт. мѣдныя орудія для гребныхъ судовъ и нарѣзные 24 и 12-фунт. Кроме того, для гребныхъ судовъ и десантной артиллеріи будетъ принята 4-фунтовая нарѣзная пушка, по возможности одинаковая съ тою, которая принята въ полевой артиллеріи.

Въ Швеціи, несмотря на высокую степень совершенства въ ней артиллерійскаго искусства, несмотря на превосходныя качества шведскаго чугуна и всемірную извѣстность ея пушечныхъ заводовъ, вовсе не имѣется еще во флотѣ нарѣзныхъ орудій. Причина тому заключается въ строгихъ экономическихъ разчетахъ, не позволяющихъ асигновать для арміи и флота достаточныя для этой цѣли суммы.

Единственный шведскій мониторъ, *Джонъ Эриксонъ*, воору-

женъ двумя 15-дюймовыми пушками, которыя подарены изобрѣтателемъ мониторовъ, Эриксономъ, своей родиной. Кромѣ этихъ двухъ орудій, Швеція имѣетъ еще около 12 орудій 10, 5, 9-дюймоваго калибра. Орудія эти начали изготовляться для флота съ осени 1864 года; они проектированы флота командоръ-капитаномъ *Фейлиценз* и предназначаются для вооруженія башенныхъ судовъ и приморскихъ крѣпостей.

Въ Даніи вооруженіе флота находится въ очень плохомъ положеніи: есть только небольшое число 120-фунтовыхъ наръзныхъ пушекъ Армстронга, пріобрѣтенныхъ передъ послѣднею войною и оказавшихся весьма неудовлетворительными, да старыя гладкостѣнные: 30-фунт. пушки трехъ различныхъ номеровъ, 60, 14, 18-фунт., и другія, еще меньшихъ калибровъ. Въ послѣднее время однако датчане заняты мыслию вооружить всѣ свои суда наръзными орудіями.

Обзоромъ морской артилеріи вышеназванныхъ государствъ и ограничиваются разсматриваемыя нами статьи „Морскаго Сборника“. Къ сожалѣнію, въ нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ артилеріи итальянскаго и австрійскаго флотовъ, на которые обращено теперь общее вниманіе, вслѣдствіе бывшаго между ними въ послѣднюю войну сраженія. Затѣмъ въ очеркахъ современнаго состоянія морской артилеріи заключаются еще разныя другія свѣдѣнія вообще по артилерійской части, заимствованныя по большей части изъ нашего „Артилерійскаго Журнала“ и изъ другихъ спеціальныхъ изданій.

Публичныя лекціи изъ корабельной архитектуры г. М. Окунева хотя и трактуютъ о весьма спеціальному предмету, однако представляютъ весьма живой интересъ и для неморяковъ. Въ новѣйшее время, при веденіи военныхъ операций, установилась весьма тѣсная связь между флотомъ и сухопутною арміею: для полнаго успѣха войны въ большей части случаевъ нужна нерѣдко взаимная поддержка между этими двумя элементами государственной вооруженной силы, а отсюда и проистекаетъ необходимость для арміи не оставаться совершенно чуждою того, что дѣлается въ нашемъ флотѣ, и имѣть хотя нѣкоторыя общія понятія о классификаціи нашихъ военныхъ судовъ, ихъ силъ и устройствъ. Въ свѣдѣніяхъ этихъ особенно можетъ встрѣтиться надобность, когда, въ случаѣ войны сухопутнымъ войскамъ придется дѣйствовать совокупно съ флотомъ, какъ напримѣръ при оборонѣ морскихъ береговъ,

при амбаркаціяхъ, десантахъ. Наконецъ, нашъ флотъ имѣетъ свое прошедшее, свою исторію; моряки наши сотоварищи, такъ сказать сотрудники нашей арміи на военномъ поприщѣ. Уже повтому самому все, что относится до нашего флота, не можетъ быть чуждо и нашей арміи. Но для того, чтобы умѣть цѣнить нашъ флотъ, необходимо нужно хотя нѣкоторое ознакомленіе съ тѣмъ оружіемъ, которымъ онъ дѣйствуетъ—съ его матеріальною частію. Этого-то рода свѣдѣнія и можно получить изъ достаточно популярныхъ лекцій г. М. Окунева. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ представить здѣсь полный обзоръ этихъ лекцій; но, рекомендуя ихъ нашимъ читателямъ, представимъ, по крайней мѣрѣ, перечень содержанія напечатанныхъ первыхъ трехъ лекцій, съ самыми лишь незначительными выдержками изъ нихъ.

Первыя двѣ лекціи посвящены условіямъ постройки военныхъ судовъ, при чемъ, разбирая боевую силу судовъ и степень неуязвимости ихъ отъ непріятельской артилеріи, г. Окуневъ вдается въ весьма интересныя подробности о современномъ состояніи артилерійскаго вооруженія судовъ и о блиндированіи ихъ или покрытіи броней.

Во вступленіи же къ первой своей лекціи, ученый лекторъ приводитъ нѣсколько словъ относительно необходимости для каждаго государства, владѣющаго морскимъ побережьемъ, а слѣдовательно и для Россіи, военного флота. Казалось бы, что необходимость флота для нашего отечества такъ очевидна, что нечего было бы и говорить о ней; но, въ послѣднее время, стали появляться люди, которые, въ видахъ государственной экономіи, находятъ бесполезными и излишними всякія затраты, дѣлаемыя на флотъ. Для этихъ-то лицъ и нашелся г. Окуневъ вынужденнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту необходимости русскаго флота.

„Знаютъ ли эти лица—говоритъ онъ—какое пространство русскихъ окраинъ омывается морями и требуетъ защиты отъ вторженія непріятеля? Извѣстно ли имъ, что въ настоящее время веденіе войны немыслимо однѣми сухотутными арміями, безъ помощи флота?

„Вотъ приблизительное исчисленіе русскихъ береговъ, омываемыхъ морями:

„Въ Балтійскомъ морѣ	2,100	верстъ.
— Вѣломъ —	2,600	—
— Черномъ —	1,300	—
— Каспійскомъ —	2,400	—
<hr/>		
Итого		8,400 верстъ.

„Не считая береговъ Охотскаго моря и Амурской области, которыхъ побережье составляетъ около 6,800 верстъ.

„Изъ этого видно, что протяженіе русскихъ береговъ, омываемыхъ морями, простирается до 15,000 верстъ. Положимъ, что большая половина этого побережья состоитъ изъ странъ пустыхъ и бесплодныхъ; но затѣмъ все еще остается до 7,000 верстъ береговъ населенныхъ, имѣющихъ промышленныя и торговые города, которые остаются совершенно открытыми для непріятельскаго вторженія со стороны моря. Неужели всѣ эти берега должно оставить беззащитными? Оборонять же ихъ посредствомъ приморскихъ фортовъ и укрѣпленій безъ содѣйствія флота то же самое, что защищать границу государства однѣми только крѣпостями, безъ помощи дѣйствующей арміи.“

Такимъ образомъ, является необходимость военнаго флота собственно для береговой защиты; но онъ же вполне необходимъ и вообще для веденія войны.

„Во всѣхъ великихъ державахъ—говоритъ г. Окуневъ—военная сила составляется изъ двухъ отдѣльныхъ элементовъ: арміи и флота, которые должны дѣйствовать совокупно, для достиженія одной политической цѣли, съ которою ведется война. Обѣ эти отрасли государственной силы и могущества равно необходимы, хотя количественное ихъ соотношеніе измѣняется, смотря по мѣстнымъ условіямъ государствъ. Громадное распространеніе Россіи на материкѣ заставляеть ее держать въ большемъ количествѣ армію, нежели флотъ, такъ что армія составляетъ правую руку государственной силы, а флотъ лѣвую, и каждая изъ нихъ столь же необходима для политическаго тѣла государства, какъ руки для тѣла человѣческаго.“

Исторія лучше всего подтверждаетъ эти слова. Не говоря уже о послѣдней восточной войнѣ, гдѣ флотъ и нашъ и особенно непріятельскій играли весьма видную роль, собственно нашъ флотъ, съ самаго начала своего основанія, постоянно содѣйствовалъ успѣшному веденію и окончанію войнъ.

Такъ балтійскій флотъ былъ главнымъ орудіемъ при покореніи и удержаніи береговъ Россіи, омываемыхъ водами Финскаго залива и Балтійскаго моря; онъ же постоянно служилъ защитой новой столицѣ русской — С.-Петербургу. Черноморскому флоту Россія обязана покореніемъ береговъ Чернаго моря. Тотъ же флотъ сокрушилъ подъ Чесмою могущество Турціи на моряхъ, содѣйствовалъ успѣшному окончанію войны съ Турціею въ 1829 году и истребилъ турецкій флотъ подъ Синопомъ въ 1853 году. Флоту же обязана Россія, что въ 1854 году громаднѣйшій непріятельскій флотъ, простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ въ виду Кронштадта, не осмѣлился атаковать этотъ важный пунктъ защиты С.-Петербурга. Наконецъ, безсмертная въ лѣтописяхъ міра оборона Севастополя, съ начала до конца, была поддерживаема удачнымъ дѣйствіемъ русскаго пароваго флота, къ сожалѣнію тогда весьма малочисленнаго.

Все это какъ нельзя болѣе подтверждаетъ полную необходимость флота для поддержанія силы и могущества Россіи.

„Кромѣ того—справедливо прибавляетъ г. Окуневъ—флотъ нуженъ не для одной только обороны и исполненія политическихъ цѣлей государства во время войны. Напротивъ того, онъ еще болѣе необходимъ какъ грозное средство для отвращенія войны и поддержанія мира, на основаніи того правила, что *если хочешь соблюсти миръ, будь постоянно готовъ къ войнѣ*. По смыслу этого правила, всякое государство для обезпеченія мира должно имѣть благоустроенную армію и боевой современный флотъ, вполне удовлетворяющій своему военному назначенію и мѣстнымъ условіямъ предназначаемыхъ для него дѣйствій.“

Третья лекція г. Окунева посвящена классификаціи и величинѣ военныхъ судовъ, какъ прежнихъ парусныхъ, такъ винтовыхъ и броненосныхъ. Сюда же присоединено описаніе броненосныхъ судовъ французскаго, англійскаго и американскаго флотовъ и сравненіе первыхъ двухъ между собою, клонящееся совершенно въ пользу французскаго броненоснаго флота. Вся эта лекція представляетъ много живаго интереса и для неморяковъ и можетъ дать весьма обстоятельное понятіе о постепенности усовершенствованія винтовыхъ и особенно броненосныхъ судовъ.

Въ статьяхъ послѣдней категоріи представляется много интересныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества и о странахъ, посѣщаемыхъ судами нашего флота. Къ

числу такихъ статей можно отнести: въ № 12: „Байкаль зимою“, изъ очерковъ сибиряка; въ № 4, „Новоархангельскъ (Ситха), изъ записокъ о плаваніи по Тихому океану въ 1864 г.“, Бартошевича; въ № 5: „Плаваніе по рѣкѣ Сунгари въ Манѣджурію до города Гирина“, Н. Щ.; „Кое-что о Донѣ и его устьяхъ“, В. Косякова, и „Замѣтки объ Остѣ-Индіи“, А. П. Лемана. Послѣднія замѣтки интересны въ томъ отношеніи, что онѣ писаны лицомъ, находившимся на клиперѣ „Абрекъ“, который вмѣстѣ съ транспортомъ „Гилякъ“ были первыми и единственными русскими военными судами, показавшимися, со времени существованія нашего флота, въ Индіи (въ зиму съ 1862 на 1863 годъ). Затѣмъ въ № 7 представляютъ нѣкоторый интересъ статья: „Сандвичевы острова—Гонолулу“, изъ записокъ о плаваніи по Тихому океану въ 1864 году, и болѣе значительная статья г. С. Симакова: „Три года въ Астрабадской станціи. 1862—1865 г.“

Наконецъ не можемъ не остановить вниманія читателей на слѣдующихъ еще статьяхъ: въ № 1: „О военной контрабандѣ“, А. Базили, представляющей современное положеніе весьма важнаго вопроса международнаго права; въ томъ же номерѣ: „Морскіе и военно-сухопутные сигналы лейтенанта Коломба“, двѣ лекціи, читанныя самымъ лейтенантомъ Коломбомъ въ англійскомъ обществѣ соединенныхъ службъ въ маѣ и іюнѣ 1863 года. Въ статьѣ этой однако очень мало говорится о военно-сухопутныхъ сигналахъ, а преимущественно ведется рѣчь только о разныхъ системахъ морскихъ сигналовъ. Въ № 6: „Свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ“, г. Н. Рудановскаго, представляющія данныя, полученныя при опытѣ размолы ржи въ муку, произведенномъ, по распоряженію комисаріятскаго департамента морскаго министерства, на паровой мельницѣ въ Кронштадтѣ, 14-го марта 1866 года. Въ № 4; „Мысли по поводу предстоящей судебной реформы“, г. Н. Коха, и „Королевская военная академія въ Вуличѣ“, г. П. Нурока. Въ этой послѣдней статьѣ изложено устройство англійскаго военно-учебнаго заведенія, предназначаемаго для приготовленія инженеровъ и артиллеристовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ послѣ 1861 года, когда воспослѣдовало соединеніе англійской королевской и остѣ-индской армій.

Педагогическій Сборникъ, книжки 1, 2, 3, 4, 5 и 6 за 1866 годъ.

Обозрѣніе мѣстной комисіи о лучшихъ способахъ преподаванія въ военныхъ гимназіяхъ математики, физики, географіи, исторіи и топографіи. — Занятія воспитанниковъ военныхъ гимназій въ дѣтское время. — Результаты выпускнаго экзамена въ военныхъ училищахъ и причины недостаточнаго ихъ успѣха. — Наши низшія школы военнаго вѣдомства.

Интересъ „Педагогическаго Сборника“ становится болѣе и болѣе осязательнымъ. Въ этомъ журналѣ собраны за истекшее полугодіе матеріалы, относящіеся къ плану учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и статьи, дополняющія общую картину реформъ, предпринятыхъ для переустройства этихъ заведеній.

Рядъ протоколовъ комисій, назначенныхъ при главномъ управленіи для опредѣленія объема и способа преподаванія разныхъ предметовъ въ военныхъ гимназіяхъ, отчеты лицъ, присутствовавшихъ на экзаменахъ въ военныхъ училищахъ, и обширная статья М. Далаева о низшихъ школахъ военнаго вѣдомства—все это, въ связи съ разными извѣстіями объ образцовыхъ учебныхъ заведеніяхъ за границею, представляетъ богатый запасъ для всякаго желающаго ближе ознакомиться съ постепеннымъ, довольно быстрымъ развитіемъ преобразуемыхъ военно-учебныхъ заведеній, отъ надлежащей постановки которыхъ зависитъ вся будущность нашихъ юныхъ силъ, обращенныхъ на службу въ рядахъ арміи. Войска наши нуждаются въ хорошихъ офицерахъ—это фактъ общезвѣстный, засвидѣтельствованный не разъ лицами, высоко поставленными въ нашей военной іерархіи. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ періодическое изданіе, знакомящее съ ходомъ дѣлъ, близкихъ сердцу всякаго русскаго, въ особенности челоуѣка военнаго.

До сихъ поръ мы, въ обзорахъ своихъ, останавливали вниманіе читателей на болѣе рельефныхъ сторонахъ „Педагогическаго Сборника“, на тѣхъ животрепещущихъ вопросахъ, которые прямо или косвенно относятся къ сущности устройства нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Такой формы изложенія мы будемъ держаться и впредь.

Мы избрали сторону, имѣющую наибольшій интересъ для

читателей „Военнаго Сборника“, предполагая, что специалисты, люди, близко стоящіе у педагогическаго дѣла, сами обратятся къ журналу, малому объемомъ, но весьма разнообразному по своему содержанию. Впрочемъ, „Педагогическій Сборникъ“, по своей дешевизнѣ, доступенъ всякому семьянину, который заботится объ изысканіи лучшихъ мѣръ для умственнаго развитія своихъ дѣтей, предназначенныхъ къ воинскому званію.

Настоящее обозрѣніе мы начнемъ съ мнѣній комисіи о характерѣ и методѣ преподаванія математики, физики, географіи, исторіи и другихъ предметовъ, входящихъ въ кругъ общеобразовательной подготовки тѣхъ воспитанниковъ, которые должны поступить въ военныя училища (*).

Комисія, назначенная для обсужденія преподаванія *математики*, убѣждена въ невозможности проходить, въ первыхъ классахъ военныхъ гимназій, ариметику систематически, потому что воспитанники, вступающіе въ наши общеобразовательныя заведенія и, особенно, принимаемые въ военныя гимназіи, не приносятъ съ собой, по большей части, почти никакихъ свѣдѣній по математикѣ, а если и имѣютъ подготовку, то развѣ только въ механизмѣ ариметическихъ дѣйствій, не различая въ своемъ представленіи числа отъ его изображенія (цифры). По мнѣнію комисіи, прежде всего въ головѣ учениковъ необходимо осмыслить тотъ матеріалъ, которымъ они уже владѣютъ; для этого нужны исключительныя упражненія въ умственномъ вычисленіи надъ конкретными вообще, и всего болѣе надъ именованными числами. Рядомъ съ этимъ должно быть наглядное ознакомленіе съ мѣрами. Вторая задача учителя ариметики — выяснить ученикамъ необходимость разныхъ дѣйствій, развитъ въ ученикахъ способность отличать одно дѣйствіе отъ другаго и правильно примѣнять ихъ въ данномъ случаѣ, преимущественно путемъ практическимъ, безъ указанія въ первое время теоретическихъ правилъ. Эта вторая цѣль, по мнѣнію комисіи, достигается прохожденіемъ ариметики по задачамъ. Задачи должны рѣшаться всѣмъ классомъ, чтобы учитель могъ слѣдить за степенью пониманія дѣлаго класса. Чтобы ученики ясно и твердо усвоили себѣ тотъ или другой путь логическаго размышленія, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ не одинъ разъ проходилъ по одному и тому же пути разсужденія, нужнаго въ задачѣ. Такая цѣль достигается: а) выборомъ задачъ,

(*) „Педагогическій Сборникъ“, кн. III.

по возможности однообразныхъ, особенно вначалѣ; б) постепенностію въ переходѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Задачи сложныя могутъ быть даваемы ученикамъ уже послѣ ознакомленія ихъ съ разными ариѳметическими дѣйствіями на отдѣльныхъ задачахъ.

Курсъ второго класса долженъ быть непрерывнымъ продолженіемъ курса перваго класса; расширяются только предѣлы чиселъ, вводятся составныя именованныя числа и расширяются понятія о дробяхъ обыкновенныхъ; на дѣйствія съ послѣдними обращается особенное вниманіе; методъ преподаванія тотъ же практической, посредствомъ рѣшенія задачъ. Теоретическія заключенія могутъ имѣть мѣсто только въ третьемъ классѣ; но они выводятся не изъ значенія дѣйствій, производимыхъ надъ отвлеченными числами, а изъ рѣшенія однородныхъ задачъ.

Курсъ третьяго класса расширяется введеніемъ десятичныхъ дробей и рѣшеніемъ задачъ посредствомъ приведенія къ единицѣ.

Кромѣ ариѳметики, въ третьемъ классѣ учениковъ знакомятъ съ алгебраическимъ языкомъ посредствомъ обобщенія частныхъ вопросовъ алгебраическими знаками. Въ этомъ же классѣ слѣдуетъ начать геометрію путемъ пропедевтическимъ, чтобы, посредствомъ внимательнаго разсматриванія тѣлъ, ознакомить учениковъ наглядно съ матеріаломъ, составляющимъ предметъ научнаго изслѣдованія геометріи.

Систематическій курсъ математики начинается съ четвертаго класса и обнимаетъ три класса, въ которыхъ должно пройти: ариѳметику, начальную алгебру, геометрію и тригонометрію, со включеніемъ въ геометрію коническихъ сѣченій, излагаемыхъ геометрически, и не упоминая объ уравненіяхъ линій (*).

Признаки дѣлимости чиселъ, разложеніе чиселъ на простые множители и нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя не затрогиваются въ трехъ младшихъ классахъ, а входятъ въ курсъ старшихъ классовъ, такъ что теорія общаго наибольшаго дѣлителя входитъ въ курсъ шестаго, т. е. высшаго класса.

Физика, вполне принадлежащая гимназическому курсу, проводится въ двухъ верхнихъ (5 и 6) классахъ военныхъ гимназій. „Въ настоящее время знаніе явленій природы — говоритъ Э. Эвальдъ, въ объясненіи программы физики, предложенной для военныхъ гимназій—глубоко проникаетъ условія современной общественной жизни. Если въ гражданскомъ быту нельзя от-

(*) „Педагогическій Сборникъ“ 1866 г., кн. 3, стр. 33 и слѣд.

говариваться незнаіемъ законовъ, то едва-ли не то же самое можно сказать и относительно законовъ природы, тѣмъ болѣе, что естественныя науки, по своему развитію, занимаютъ почетное мѣсто среди другихъ человѣческихъ знаній. Но главная задача общеобразовательной школы не сказать послѣднее слово науки, не поставить ученика прямо готовымъ къ исполненію какихъ бы то ни было спеціальныхъ обязанностей, а выработать въ ученикѣ естественное развитіе нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, приучить его къ правильному самостоятельному труду, установить тотъ умственный общечеловѣческій уровень, отъ котораго переходъ къ спеціальности можетъ быть совершенъ безъ скачковъ.“ (*)

Въ программу физики входятъ начала механики. Изложеніе этихъ началъ уступаетъ научному изложенію лишь въ полнотѣ, вслѣдствіе недостатка времени, которымъ можно располагать въ военной гимназій.

Въ курсъ *географіи* входятъ слѣдующія части: отчизновѣдніе — подробная географія Россіи; общій обзоръ пяти частей свѣта и преимущественно Европы; главныя основанія математической географіи. Комисія старалась съ большою подробностію опредѣлить содержаніе *отчизновѣднія*, введеннаго у насъ съ недавняго времени, по образцу германскихъ и швейцарскихъ школъ. Отчизновѣдніе, преподаваемое въ первомъ классѣ, не только служитъ приготовленіемъ къ общему курсу географіи, но, наравнѣ съ другими учебными предметами, представляетъ учащимся матеріалъ для первоначальныхъ упражненій, способствуя сознательно относиться къ свѣдѣніямъ, приобретеннымъ прежде безсознательно, путемъ наглядности. По мнѣнію комисіи, курсъ отчизновѣднія долженъ удовлетворять слѣдующимъ главнымъ требованіямъ: 1) ограничиваться описаніемъ только тѣхъ предметовъ и объясненіемъ только тѣхъ явленій, которыя встрѣчаются въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ учащіеся или о которыхъ они имѣютъ собственные наглядныя представленія; 2) предметы эти и явленія учащіеся должны наблюдать сами, и для того при этомъ курсѣ необходимы прогулки ихъ съ учителемъ (**). Допускается и болѣе широкое содержаніе курса тамъ, гдѣ введена класная система обученія, со включеніемъ естественной исторіи по плану Сентъ-Илера,

(*) „Педагогическій Сборникъ“, III, стр. 104.

(**) „Педагогическій Сборникъ“, III, стр. 139.

который въ своей статьѣ „Опытъ класнаго учительства во 2-й с.-петербургской военной гимназій въ 1864 — 1865 году“ (*), даетъ практическіе совѣты о способахъ преподаванія воспитанникамъ младшаго возраста, съ цѣлію развить въ нихъ любознательность и наблюдательность, по методамъ, испытаннымъ класными учителями въ Германіи, и преимущественно въ Швейцаріи.

Относительно преподаванія географіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія замѣчанія комисіи: 1) элементъ естественно-историческій можетъ быть вводимъ въ курсъ географіи только съ крайнею осмотрительностію и въ самомъ ограниченномъ объемѣ; 2) всѣ мѣстности, съ разными историческими названіями (о сраженіяхъ, трактатахъ и т. под.), если онѣ, помимо ихъ историческаго значенія, не имѣютъ значенія въ географическомъ отношеніи, должны быть исключены изъ курса географіи, ибо объясненіе такихъ мѣстностей можетъ быть сдѣлано понятно только въ курсѣ исторіи; 3) черченію картъ комисіи не придаетъ особеннаго значенія: пусть ученики готовятся къ урокамъ не по картамъ, ими самими начерченнымъ, но пусть знакомятся на столько съ картами, чтобы въ состояніи были указать мѣстности по нѣмой картѣ и умѣли бы начертить на память абрисъ страны, составляющей предметъ урока. Техническая же отдѣлка картъ, по требованіямъ картографическаго искусства, не только неумѣстна, но даже вредна въ военныхъ гимназіяхъ.

Курсъ *исторіи* въ военныхъ гимназіяхъ опредѣленъ слѣдующій: а) біографическіе и монографическіе рассказы изъ отечественной и древней греческой и римской исторіи; б) подробное изложеніе отечественной исторіи до Петра Великаго; в) главнѣйшія событія изъ всеобщей, древней и средней исторіи, а равно и новой, до смерти Лудовика XIV.

Преподаваніе исторіи начинается въ третьемъ класѣ. Задачей историческаго преподаванія, въ этомъ класѣ, должно быть не простое сообщеніе свѣдѣній о событіяхъ изъ жизни народовъ или о замѣчательныхъ историческихъ дѣятеляхъ, но преимущественно первоначальная разработка и уясненіе тѣхъ элементарныхъ понятій, безъ которыхъ непонятенъ никакой историческій рассказъ. Слѣдовательно, содержаніе курса, по мнѣнію комисіи, должно состоять въ монографическихъ рассказахъ

(*) „Педагогическій Сборникъ“, I, стр. 34 и слѣд.

о замѣчательныхъ событіяхъ, касающихся внѣшнихъ судьбъ народовъ, и въ связи съ ними, а не въ формѣ отдѣльныхъ біографій, рассказы объ историческихъ личностяхъ, которые были въ нихъ главными дѣятелями. Тутъ можетъ имѣть мѣсто и постепенное ознакомленіе учащихся съ разными сторонами быта народовъ. Однако комісія признала затруднительнымъ ввести въ третій класъ рассказы изъ отечественной исторіи. Такой же характеръ преподаванія долженъ быть и въ четвертомъ класѣ, гдѣ обращается особенное вниманіе на главнѣйшія отличительныя черты быта народовъ и государственнаго устройства и вообще на явленія, характеризующія внутреннюю жизнь народовъ древней и средней исторіи. Гораздо большая подробность требуется въ курсахъ пятого и шестаго класовъ, при изложеніи новѣйшей и особенно отечественной исторіи, съ дополненіями о судьбѣ славянскихъ государствъ (болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго).

Въ отношеніи пріемовъ преподаванія, комісія признала необходимымъ: хронологію требовать въ такомъ размѣрѣ, чтобы твердо закрѣпились въ памяти хронологическія данныя, касающіяся важнѣйшихъ историческихъ событій; преподаваніе производить по учебникамъ, а не по запискамъ, которыя не всегда представляютъ достаточныя ручательства относительно правильнаго изложенія фактовъ; уроки преподавателя не должны принимать формы лекцій, несоотвѣтствующихъ развитію учащихся; кромѣ учебниковъ необходимо употреблять историческіе атласы и карты (1).

Что же касается до *языковъ французскаго и нѣмецкаго*, то комісія не признаетъ возможнымъ ни научить воспитанниковъ военныхъ гимназій разговорному языку, ни объяснить законы, ни даже познакомить съ литературою иностранныхъ языковъ. Вся цѣль преподаванія въ военныхъ гимназіяхъ можетъ быть одна—научить понимать написанное на иностранномъ языкѣ (2).

Къ общеобразовательному курсу военныхъ гимназій присоединены еще занятія по топографіи. Особо назначенная комісія для опредѣленія курса топографіи въ военныхъ училищахъ (3) указала на пользу введенія въ военныхъ гимназіяхъ занятій по *практической геометріи*, частію въ класахъ, во время

(1) „Педагогическій Сборникъ“, III, стр. 149—160.

(2) „Педагогическій Сборникъ“, II, стр. 13.

(3) „Педагогическій Сборникъ“, III, стр. 66—78.

курса, преимущественно же лѣтомъ, въ полѣ. Класныя занятія должны состоять въ черченіи масштабовъ, подобныхъ фигуръ, также въ ситуационномъ черченіи, исключительно карандашемъ. Полевые занятія могутъ заключаться въ рѣшеніи задачъ посредствомъ шнура, цѣпи, кольевъ, эклиметра и посредствомъ буссоли. Чтобы извлечь пользу изъ лѣтнихъ прогулокъ воспитанниковъ, комисія полагаетъ нужнымъ приучить ихъ къ чтенію плановъ.

Такимъ образомъ, въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ обозначились довольно точно объемъ курсовъ и характеръ преподаванія для военныхъ гимназій. Систематическій методъ преподаванія начинается только съ четвертаго класа, послѣ того какъ воспитанники, въ предшествующихъ трехъ класахъ, получаютъ достаточное развитіе для серьезнаго изученія каждаго предмета наглядными способами обученія. Введено отчизновѣдѣніе, обращено вниманіе на лучшіе способы изученія отечественнаго языка, въ исторіи не забыта судьба родственныхъ намъ славянъ, а математика очищена отъ прежней рутины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается практической взглядъ на полезное препровожденіе воспитанниками лѣтняго времени. Протоколы педагогическихъ комитетовъ орловской Бахтина, 2-й с.-петербургской и полоцкой военныхъ гимназій, помѣщенные въ 4-й книжкѣ „Педагогическаго Сборника“, показываютъ, что лѣтнія занятія воспитанниковъ должны состоять: а) въ учебныхъ занятіяхъ и обязательномъ чтеніи; б) въ экскурсіяхъ по предмету естественной исторіи для собиранія насѣкомыхъ, составленія гербаріевъ и т. п.; в) въ прогулкахъ и путешествіяхъ съ цѣлю изученія воспитанниками народнаго быта, земледѣльческихъ занятій и заводской промышленности (въ орловской гимназій); г) въ занятіяхъ мастерствами: токарнымъ, столярнымъ и переплетнымъ; д) въ пѣніи, музыкѣ и плаваніи; е) въ гимнастическихъ упражненіяхъ, а также въ строевыхъ ученіяхъ, и наконецъ ж) въ разнаго рода играхъ: мячи, кегли, воляны, развлеченія на танцевальныхъ вечерахъ.

Въ прошедшемъ обзорѣніи мы замѣтили, что занятія эти еще не получили надлежащаго развитія. И здѣсь повторимъ, что пребываніе въ лагерѣ должно доставить воспитанникамъ умственный отдыхъ и особенно способствовать укрѣпленію ихъ физическихъ силъ. Поэтому учебнымъ занятіямъ, какъ справедливо сказано въ протоколѣ 2-й с.-петербургской гим-

нази (стр. 174), въ лѣтнее время необходимо „притать такой характеръ, чтобы, наполняя отчасти досугъ воспитанниковъ, они содѣйствовали преимущественно развитію ихъ способностей и расширяли ихъ кругъ познаній и понятій“.

Во всякомъ случаѣ, лѣтнія учебныя занятія отнюдь не будутъ продолженіемъ учебнаго курса, а будутъ служить разъясненіемъ предметовъ, уже усвоенныхъ.

Въ *военныхъ училищахъ* продолжаются сѣтованія на малую успѣшность юнкеровъ по военнымъ и даже общимъ предметамъ. Помѣщенные въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ извлеченія изъ журналовъ педагогическихъ комитетовъ двухъ петербургскихъ военныхъ училищъ (кн. IV) и мнѣнія лицъ, командированныхъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для присутствованія на годовыхъ экзаменахъ (кн. VI), убѣждаютъ, что причины недостаточныхъ успѣховъ заключаются не въ одной только слабой подготовкѣ юнкеровъ, поступающихъ въ военныя училища изъ военныхъ или гражданскихъ гимназій; на эту слабую сторону преимущественно указывали первые протоколы педагогическихъ собраній этихъ училищъ. На достиженіе лучшихъ результатовъ въ образованіи воспитанниковъ военныхъ гимназій уже обращено вниманіе, и можно надѣяться, что сдѣланная теперь постановка учебной части въ нихъ дастъ современемъ молодымъ людямъ, поступающимъ въ военныя училища, то развитіе, какое имъ необходимо для успѣшнаго прохожденія спеціальныхъ курсовъ.

Неудовлетворительные успѣхи въ учебныхъ занятіяхъ юнкеровъ военныхъ училищъ, и особенно въ недостаточности годовыхъ экзаменовъ, согласно мнѣнію генерала Ватаца, присутствовавшего на экзаменахъ всѣхъ трехъ военныхъ училищъ, надо искать еще (*): 1) въ системѣ репетицій партіями, по отдѣламъ наукъ, нѣсколькими преподавателями, при чемъ теряется нравственная связь между учениками и преподавателемъ, читающимъ предметъ, а самая работа репетицій получаетъ характеръ механической, допускающей безответность за успѣхъ дѣла; 2) большая часть незнанія или неудовлетворительности отвѣтовъ на экзаменахъ происходила вовсе не отъ неяснаго пониманія дѣла, а единственно оттого, что на усвоеніе предмета учащіеся мало положили труда; 3) излишне-снисходительная оцѣнка труда, допущенная въ петербургскихъ военныхъ

(*) „Педагогическій Сборникъ“, VI, стр. 294 и слѣд.

училищахъ, ослабляетъ побужденіе къ работѣ, ибо значительное большинство охотно отказывается отъ труда на репетиціяхъ и даже экзаменахъ, когда знаетъ, что и не трудясь или положивъ мало труда можно получить баллъ для полученія офицерскаго чина; 4) послабленіемъ труда, необходимаго для основательнаго приготовленія къ экзамену, служить система смѣшанныхъ вопросовъ, допущенная петербургскими военными училищами: „Ловкій ученикъ—замѣчаетъ генералъ Ватаца — съ самой небольшой тратой времени можетъ запасть отрывчатыми отвѣтами, которыми поневолѣ довольствуются экзаменаторы. „Намъ кажется — сказано въ мнѣніи членовъ экзаменной комисіи, полковниковъ Шварца и Гагмана—что можно правильнѣе судить о развитіи отвѣчающаго и пониманіи имъ предмета при послѣдовательномъ изложеніи какого-либо полнаго отрывка изъ курса, нежели изъ отвѣтовъ по смѣшанной программѣ, въ которыхъ всегда допускаются короткіе отвѣты, а часто довольствуются только поверхностнымъ понятіемъ на заданный вопросъ. (*) 5) Принятая система вывода окончательнаго балла на выпускномъ экзаменѣ по военнымъ наукамъ не мало вредила приготовленію къ экзаменамъ. По этой системѣ, юнкеръ, имѣющій средній репетиціонный баллъ 7, а на экзаменѣ 3 балла, если за младшій курсъ имѣлъ 10 балловъ, получаетъ въ окончательномъ выводѣ 8 балловъ. Слѣдовательно, юнкеръ, получивъ за всѣ годичныя репетиціи едва удовлетворительный баллъ и ничего незнавшій на экзаменѣ, попадетъ въ первый разрядъ по выпуску (права подпоручика) потому, что за курсъ младшаго класса ему удалось получить 10 балловъ.

Всѣ сказанныя здѣсь причины не въ одинаковой мѣрѣ относятся къ 3-му Александровскому московскому училищу, въ которомъ, по отзывамъ лицъ, присутствовавшихъ на экзаменѣ, замѣтно было со стороны учащихся много работы въ теченіе курса и достаточно труда въ подготовленіи къ экзамену. Это можно объяснить болѣе широкой постановкой балловъ за репетиціи и отвѣтами на билеты систематическіе, а не отрывочными по смѣшаннымъ вопросамъ. Въ этомъ училищѣ особенно были хороши чертежныя работы.

Лучшіе результаты въ экзаменахъ, безъ сомнѣнія, не замедлятъ обнаружиться, коль скоро будетъ введена болѣе стро-

(*) „Педагогическій Сборникъ“, VI, стр. 307.

гая и правильная оцѣнка за репетиціи, устранены важныя неудобства нынѣ существующей системы репетицій, разрушающей связь между учениками и отвѣтственными преподавателями, и отиѣнены будутъ смѣшанные вопросы, по которымъ трудно судить о дѣйствительномъ знаніи предмета въ отвѣтахъ, скользящихъ по общимъ мѣстамъ.

Все это легко можетъ быть устранено административными мѣрами или обсужденіемъ въ педагогическихъ собраніяхъ, которыя не малую пользу оказали училищамъ своими повременными совѣщаніями. Въ помѣщаемыхъ нынѣ извлеченіяхъ изъ журналовъ педагогическихъ комитетовъ петербургскихъ военныхъ училищъ разрѣшено было нѣсколько частныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, мы не видимъ достаточной гарантіи для успѣховъ въ способахъ постановки балловъ, принятыхъ педагогическимъ комитетомъ Павловскаго училища. Вопросъ объ экзаменахъ, возбужденный обоими училищами, также не получилъ надлежащаго разъясненія; явились противники экзаменовъ; доводы ихъ еще мало доказаны; напротивъ, отчеты лицъ, присутствовавшихъ на экзаменахъ военныхъ училищъ, показываютъ то значеніе, какое высшая административная власть, а слѣдовательно и училища могутъ извлекать изъ годовичныхъ экзаменовъ.

Постановка учебной части въ военныхъ училищахъ, соответственно цѣли и значенію этихъ учрежденій—первостепенная задача, надъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ которой предстоитъ немало работы и главному управленію, и педагогическимъ комитетамъ. Неудовлетворительное содержаніе курсовъ, излишнее развитіе нѣкоторыхъ частныхъ въ ущербъ цѣлаго и нѣкоторые недостатки въ преподаваніи замѣчены были экзаменною комисіею прошедшаго года. Въ педагогическихъ собраніяхъ училищъ, сколько извѣстно изъ помѣщаемыхъ протоколовъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, были приняты къ свѣдѣнію нѣкоторыя частныя улучшенія. Затѣмъ главное управленіе предположило разработать въ особыхъ спеціальныхъ комисіяхъ характеръ и способы преподаванія. Заключенія этихъ комисій о преподаваніи артилеріи и топографіи уже помѣщены въ разсматриваемыхъ нынѣ книжкахъ „Педагогическаго Сборника“.

Въ виду такой разработки учебной части въ военныхъ училищахъ немало интереса заслуживаетъ та часть отзывовъ

лицъ, командированныхъ для присутствія на экзаменахъ, которая, помимо другихъ указаній, касается состава курсовъ. Въ этихъ отзывахъ указывается почти на тѣ же общіе недостатки, на которыхъ остановила вниманіе комисія прошедшаго года: недостатокъ единства въ преподаваніи спеціальныхъ предметовъ, крайняя растянутасть нѣкоторыхъ курсовъ и нерѣдко излишнія подробности въ ущербъ развитію наиболѣе капитальныхъ вопросовъ въ военномъ образованіи будущихъ армейскихъ строевыхъ офицеровъ.

„Несомнѣнно—сказано въ одномъ отчетѣ, по результатамъ нѣкоторыхъ экзаменовъ въ третьемъ Александровскомъ военномъ училищѣ—что спеціальныя предметы въ военныхъ училищахъ должны заключать вполнѣ законченныя знанія и представлять въ цѣломъ общее единство; самая тѣсная связь должна быть, съ одной стороны, между предметами, стремящимися дать чисто-боевую подготовку, а съ другой—знаніями юридическими и административными. Спеціальныя военныя познанія не достигнуть цѣли, если методы преподаванія ограничатся сухимъ изложеніемъ одной теоріи, ибо, въ смыслѣ военного искусства, какъ и всякаго другаго мастерства, спеціальная подготовка должна имѣть въ виду не одно развитіе, но цѣль ясную и опредѣленную. Скользить по поверхности предмета, умѣть рассказать плавно билетъ, но не умѣть изъ каждаго факта, предлагаемаго военною наукою, сдѣлать надлежащаго употребленія и примѣненія, не значить еще имѣть надлежащія познанія въ военномъ дѣлѣ. Конечно, школа не можетъ дать офицера, знающаго окончательно боевую и административную части: опыту жизни и службы предстоитъ развивать эти познанія. Но чтобы познанія, пріобрѣтенныя въ военномъ училищѣ, принесли пользу всякому вступающему со школьной скамьи на службу и самой службѣ, для этого надобно, чтобы еще въ школѣ привилось къ понятіямъ учащихся полное жизни знаніе, достаточно законченное и опирающееся на твердыхъ основахъ всей мыслительной способности.“ И потомъ: „Военное училище не должно пренебрегать ничѣмъ, чтобы въ своихъ воспитанникахъ привить надлежащую любовь къ военному искусству, ибо это ихъ ремесло, ихъ сфера, ихъ насущный хлѣбъ. Съ этой точки зрѣнія важны не только надлежащая система строевыхъ занятій, оживленное и осмысленное преподаваніе военныхъ наукъ, но и пріохочиваніе юнкеровъ къ знаком-

ству съ военною литературою“ (*). Замѣчаніе это, относящееся преимущественно къ Александровскому училищу, уяснится болѣе изъ отдѣльныхъ мнѣній о каждомъ специальномъ предметѣ.

„Въ преподаваніи тактики нѣтъ связи между теоріей и практикой. Въ курсѣ преобладаетъ теоретическое направленіе. Юнкера, усвоившіе хорошо курсъ по запискамъ, приходили въ замѣшательство, когда имъ предлагали примѣненіе своихъ знаній къ дѣлу. Съ историческими примѣрами мало знакомы, хотя въ програмѣ есть цѣлый отдѣлъ о сраженіяхъ. Понятіе объ основныхъ элементахъ тактики у юнкеровъ старшаго класса было сбивчиво; съ уставомъ мало освоены.“ — „Юнкера почти не читаютъ военныхъ сочиненій. Они не читаютъ военныхъ кампаній потому, что курсъ ихъ этимъ не обязываетъ, а между тѣмъ достаточно прочесть каждому юнкеру одну какую-либо кампанію, чтобы осмыслить весь курсъ тактики.“

По отзывамъ генерала Ватаци, въ запискахъ *артилеріи* обращено преимущественно вниманіе на теоретическую часть; часть же матеріальная отодвинута на второй планъ, а часть практическая на третій, такъ что для употребленія артилеріи въ бою даже вовсе не удѣлено особой статьи. Теоретическая часть курса артилеріи не по силамъ большей части юнкеровъ. Въ подтвержденіе этого генералъ Ватаци приводитъ факты изъ учебной жизни самихъ военныхъ училищъ, показывающіе, что наибольшее число неуспѣшныхъ въ 1-мъ Павловскомъ и во 2-мъ Константиновскомъ военныхъ училищахъ въ минувшее первое полугодіе было по артилеріи. „Въ трудности курса артилеріи младшаго класса для юнкеровъ военныхъ училищъ—продолжаетъ Ватаци — я имѣлъ случай убѣдиться и собственнымъ наблюденіемъ на послѣднихъ годичныхъ въ нихъ экзаменахъ. Результаты экзамена представляли много недосказаннаго, много неясно-понятаго, много требовавшаго усиленной помощи и наведенія со стороны преподавателя“.... и проч. Затѣмъ предлагается обратить строгое вниманіе на добросовѣстное изученіе юнкерами статей о ручномъ оружій и на нѣкоторыя частныя измѣненія въ курсахъ (**).

Въ курсѣ *фортификаціи*—говорится въ одномъ мнѣніи—преобладаетъ строительный и техническій взглядъ; повѣтому онъ испещренъ мелочными подробностями, заучиваніе которыхъ не

(*) „Педагогическій Сборникъ“, VI, стр. 281.

(**) „Педагогическій Сборникъ“, VI, стр. 299.

позволяетъ надлежащимъ образомъ усвоить чисто-военный практической характеръ. Напримѣръ, въ запискахъ фортификаціи предлагается множество мелочныхъ размѣровъ въ футахъ съ дробями и даже дюймахъ; множество техническихъ названій обременяетъ память учащихъся. Исчислено до 30 различныхъ названій дерева, въ разныхъ видахъ употребляемаго, и т. п. Между тѣмъ, не дается должнаго развитія тѣмъ отдѣламъ, которые ближе соприкасаются съ тактикою и, слѣдовательно, болѣе пригодны для будущихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ.

Нѣкоторыя излишнія подробности входятъ и въ топографію. Предлагается обратить большее вниманіе на черченіе.

Что же касается до курсовъ *военной администраціи и военной законовѣднія*, то, по словамъ отчетовъ, эти предметы, какъ новые для военныхъ училищъ, еще не выработались окончательно, ни въ размѣрахъ, ни въ содержаніи, особенно администраціи. Передъ всѣми учебниками администраціи отдается предпочтеніе запискамъ 2-го Константиновскаго военнаго училища; но это не болѣе, какъ добросовѣстный сборникъ матеріаловъ для будущаго курса администраціи.

Чтобы военная администрація въ военныхъ училищахъ сдѣлалась живымъ достояніемъ знанія — а такая потребность для офицера не менѣе важна, какъ и его боевая подготовка — для этого необходимо дать курсу надлежащія рамки, увеличить время для преподаванія и самое тщательное вниманіе обратить на практическую сторону, не упуская учащихъся осязательно знакомить съ предметами провіантскаго и комисаріятскаго довольствія.

Чтобы не увеличивать объема статьи, мы вынуждены этимъ закончить обзоръ дальнѣйшаго развитія вопроса объ измѣненіяхъ въ курсахъ военныхъ училищъ. Комисіи, составленныя изъ спеціалистовъ, уже начали разработку состава и характера курсовъ въ военныхъ училищахъ. Возбужденная въ минувшемъ году полемика о курсахъ военныхъ училищъ несомнѣнно должна принести немало пользы при дальнѣйшемъ развитіи этого вопроса. Не могутъ остаться безъ хорошихъ послѣдствій и мнѣнія лицъ, командируемыхъ главнымъ управленіемъ для присутствованія на экзаменахъ. Желательно только, какъ справедливо замѣчаетъ генералъ Ватаццъ, чтобы въ комисіяхъ гг. спеціалисты не увлекались своею спеціальностію и не на-

вязывали военнымъ училищамъ того, что имъ и не по силамъ, да и непригодно для назначенія, которому они служатъ.

Надлежащее устройство военныхъ училищъ и учрежденіе во всѣхъ округахъ юнкерскихъ училищъ, будучи главною заботою нынѣшняго начальства военно-учебныхъ заведеній, безъ сомнѣнія, отмѣтитъ собою важную эпоху въ способахъ комплектованія нашей арміи офицерами, подготовленными достаточно твердо для строевой службы въ войскахъ. Кромѣ этихъ капитальныхъ учрежденій, выдвигается теперь вопросъ въ военномъ министерствѣ о способахъ снабженія арміи писарями, топографами и другими спеціальными должностями нижняго званія. Нынче уже сознается неудовлетворительность школъ, носившихъ со временъ Петра Великаго названія, послѣдовательно измѣнявшіяся, но имѣвшія одну и ту же цѣль: гарнизонныя школы, военно-сиротскія отдѣленія, баталіоны военныхъ кантонистовъ и, наконецъ, училища военнаго вѣдомства въ теченіе безъ малаго полутора ста лѣтъ служили для образованія, преимущественно изъ солдатскихъ дѣтей, разнаго рода спеціалистовъ нижняго званія. Преобразование кадетскихъ корпусовъ, энергически преслѣдуемое правительствомъ, имѣющее въ виду устранить слабыя стороны прежняго закрытаго воспитанія, коснулось теперь и нижнихъ школъ военнаго вѣдомства, въ которыхъ все зло казарменнаго воспитанія дѣйствовало гораздо разрушительнѣе, чѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ. Мы обращаемъ вниманіе читателей на статью г. Лалаева: „Наши низшія школы военнаго вѣдомства“, помѣщенную въ 3-й, 4-й и 5-й книжкахъ „Педагогическаго Сборника“. (*) Она указываетъ на слабыя стороны бывшихъ училищъ военнаго вѣдомства, вопросъ о преобразованіи которыхъ, какъ видно изъ этой статьи, уже на очереди.

Дѣйствительно, мы теперь болѣе чѣмъ когда-либо нуждаемся въ начальныхъ школахъ для всенароднаго образованія. Будутъ ли эти школы открыты или закрыты, онѣ принесутъ нашему отечеству несомнѣнную пользу. Недостатокъ въ нашемъ обществѣ педагогической предпріимчивости всегда вызывалъ инициативу со стороны правительства для учрежденія учебныхъ заведеній, въ которыхъ дѣти получали бы безвозмездное образованіе. Въ наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ къ образованію дѣтей, безъ сомнѣнія, находится большинство военнослужащихъ, по

(*) „О преобразованіи училищъ военнаго вѣдомства“ см. „Военный Сборникъ“ 1866 года, № 8, „Русское Военное Обозрѣніе“, стр. 199.

той простой причинѣ, что военная служба, не благоприятствуя семейной жизни, затрудняетъ обученіе дѣтей. Что же касается до дѣтей лицъ нижняго званія и до многочисленныхъ сиротъ нашихъ офицеровъ, то, въ отношеніи воспитанія и образованія, родители ихъ находятся въ условіяхъ столь неблагоприятныхъ, что „государственная мудрость и справедливость прямо указываютъ на необходимость учрежденія бесплатныхъ закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, съ исключительною пѣлію своевременнаго духовнаго и физическаго воспитанія дѣтей, значительная масса которыхъ, при всей заботливости родителей, оставалась бы иначе не только безъ воспитанія, но, въ большинствѣ случаевъ, и безъ всякаго призрѣнія“.

Г. Далаевъ стремится доказать необходимость удержать правительственныя школы для образованія дѣтей военнослужащихъ. Представивъ очеркъ скудости воспитательнаго начала въ семейномъ быту, а съ другой стороны указывая на слабыя стороны нашихъ низшихъ школъ военнаго вѣдомства, авторъ дѣлаетъ очеркъ постепеннаго развитія низшихъ школъ военнаго вѣдомства съ 1721 года и особенное вниманіе обращаетъ на тѣ недуги современныхъ намъ школъ военнаго вѣдомства съ 1859 по 1865 г., устраненіе которыхъ озабочиваетъ болѣе всего главное управленіе.

Школы для солдатскихъ дѣтей впервые учреждены въ Россіи въ 1721 году, при пѣхотныхъ гарнизонныхъ полкахъ; въ 1765 году были утверждены штаты о гарнизонныхъ школахъ, въ которыя разрѣшено было принимать, кромѣ дѣтей нижнихъ чиновъ, и офицерскихъ дѣтей. Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II въ гарнизонныхъ школахъ обучалось уже до 12,000 малолѣтнихъ дѣтей. Безпрерывныя войны, которыя Россія вела во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, умножили число сиротъ военнослужащихъ до такой степени, что въ 1798 году въ гарнизонныхъ школахъ, переименованныхъ въ томъ же году въ *военно-сиротскія отдѣленія*, обучалось съ семилѣтнаго возраста 16,400 солдатскихъ дѣтей, кромѣ тѣхъ, которыя хотя и состояли у родителей и опекуновъ, но считались въ военномъ вѣдомствѣ и по достиженіи 18-лѣтняго возраста поступали въ военную службу.

Для управленія военно-сиротскими отдѣленіями потребовалось образовать при военной коллегіи особую *экспедицію о военно-сиротскихъ учрежденіяхъ*.

Въ 1805 году солдатскимъ дѣтямъ присвоено названіе *военныхъ-кантонистовъ*; въ 1824 учрежденія для военныхъ кантонистовъ подчинены были главному начальнику *военныхъ-поселеній*, графу Аракчееву, который издалъ особыя правила для *отдѣленія кантонистовъ*. Строжайше воспрещалось солдатскихъ дѣтей обучать въ гимназіяхъ и уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ; только съ 1847 года разрѣшено имъ обучаться въ приходскихъ училищахъ. Въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ сформированы баталіоны (1,000 человекъ), полубаталіоны (въ 500 человекъ) и роты (въ 250 человекъ) военныхъ кантонистовъ; управленіе ихъ было подчинено департаменту военныхъ поселеній. Въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, кромѣ солдатскихъ дѣтей, могли поступать дѣти дворянъ и оберъ-офицеровъ, но достиженіи 18 лѣтъ (впослѣдствіи 16). Воспитанники баталіоновъ военныхъ кантонистовъ поступали въ учебныя казарменныя или въ армейскіе полки.

Школы для образованія военныхъ кантонистовъ, въ періодъ съ 1830 по 1855 годъ, учреждены во всѣхъ отдѣльныхъ военныхъ вѣдомствахъ, артилерійскомъ, военно-медицинскомъ, при военно-топографическомъ депо, при гвардейскомъ корпусѣ, такъ что, въ 1855 году, во всѣхъ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ считалось 36,000 воспитанниковъ.

Число дѣтей, обреченныхъ на безвыходную военную повинность, возрастало съ каждымъ годомъ: въ 1824 году ихъ было 120,000; въ 1842 году эта цифра увеличилась почти въ $2\frac{1}{2}$ раза, а въ 1856 году въ одномъ только военносухпутномъ вѣдомствѣ состояло 378,394 кантониста. Содержаніе этихъ дѣтей, вмѣстѣ съ солдатскими сиротами женскаго пола, стоило до 5,000,000 р. Вотъ до какой громадной силы достигало число дѣтей, принадлежавшихъ военной службѣ и по своему происхожденію, и по состоянію, въ началѣ царствованія Императора Александра II. Солдатскія дѣти, съ самаго рожденія, принадлежали не родителямъ своимъ, а казенному вѣдомству, и закрѣплялись въ немъ не лично только, но и потомственно. „Въ памятный для Россіи день коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора — говоритъ г. Далаевъ — всемилостивѣйшій манифестъ возвѣстилъ о возвращеніи впредъ изъ военнаго вѣдомства, для пособія родителямъ и родственникамъ и для причисленія затѣмъ въ свобод-

ныя податныя состоянія, всѣхъ солдатскихъ дѣтей, за исключеніемъ лишь находящихся на дѣйствительной службѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ (25-го декабря 1856 года) предоставлено добровольному желанію родителей и родственниковъ опредѣлять солдатскихъ сыновей въ учебныя заведенія, учрежденныя для дѣтей нижнихъ чиновъ, подъ названіемъ *училищъ военнаго вѣдомства*. До 1860 года открыто было около двадцати такихъ заведеній, съ комплектомъ въ 8,550 воспитанниковъ. Въ 1863 году училища военнаго вѣдомства подчинены главному управленію военно-учебныхъ заведеній. Кромѣ сыновей нижнихъ чиновъ, въ нихъ поступали дѣти дворянъ, потомственныхъ и личныхъ, чиновниковъ и канцелярскихъ служителей. Большая часть училищъ предназначалась для приготовленія писарей, въ трехъ приготовлялись еще и топографы, а въ петербургскомъ— инженерныя и артиллерійскіе кондукторы и чертежники, топографы, граверы и словорѣзы.

Восьмилѣтнее существованіе училищъ военнаго вѣдомства доказало непримѣнимость военной организаціи и казарменнаго начала къ элементарнымъ учебно-воспитательнымъ заведеніямъ вообще. Г. Лалаевъ исчисляетъ подробно главнѣйшіе ихъ недостатки и въ заключеніе своего обзора низшихъ военныхъ школъ, съ 1859 по 1865 годъ, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „матеріальная сторона училищъ военнаго вѣдомства хотя и требуетъ многихъ существенныхъ улучшеній, но не производитъ того неблагоприятнаго впечатлѣнія, которое оставляетъ по себѣ непосредственное знакомство съ учебно-воспитательною организаціею“.

Весьма вѣроятно, что все сказанное нами объ училищахъ напомнить читателямъ ту мѣткую характеристику, которою г. Ушинскій такъ удачно очертилъ въ нѣсколькихъ словахъ нашъ общій школьный порядокъ: канцелярія и экономія наверху, администрація въ серединѣ, ученіе подъ ногами, а воспитаніе за дверьми заведенія. „Пока — прибавляетъ онъ — не перевернемъ этого кафтана съ изнанки налицо, до тѣхъ поръ ничего путнаго не будетъ.“ (*)

Училищамъ военнаго вѣдомства, или нынѣ названнымъ низшимъ школамъ, уже не долго оставаться въ переходномъ состояніи. Рядъ мѣръ, принятыхъ главнымъ управленіемъ, по словамъ г. Лалаева, мало по малу устраняетъ важнѣйшіе не-

(*) „Педагогическій Сборникъ“, IV, стр. 295.

достатки. Наиболѣ существенною мѣрою, безспорно, надо считать учрежденіе *особаго отдѣленія для прѣготовленія учителей*, ибо отъ качества ихъ и подготовки зависитъ надлежащая постановка воспитательныхъ началъ въ этого рода закрытыхъ заведеніяхъ.

Въ концѣ своей статьи г. Лалаевъ дѣлаетъ краткій очеркъ *дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей и дѣтскаго пріюта* Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, которые хотя и не принадлежатъ военному вѣдомству, но болѣе или менѣе сходны съ низшими школами, если не по цѣли учрежденія, то по объему курса, по числительности воспитанниковъ и по стоимости ихъ содержанія.

Если имѣтъ въ виду однѣ только войсковыя потребности, то, безъ сомнѣнія, нельзя не желать, чтобы низшія военныя школы обратили самое тщательное вниманіе на подготовку разнаго рода спеціалистовъ для войскъ, особенно писарей и топографовъ, добыть которыхъ изъ рекрутъ неудобно, а посредствомъ найма едва-ли возможно. При этомъ, конечно, крайне полезно обучать въ низшихъ школахъ разнаго рода мастерствамъ, какъ то было принято въ первоначально-учрежденныхъ гарнизонныхъ школахъ, гдѣ, между прочимъ, должны были обучать солдатскихъ дѣтей слесарному мастерству. Въ пріютѣ Принца Ольденбургскаго техническія производства развиты въ такой степени, что это заведеніе въ точности выполняетъ свое филантропическое назначеніе, ибо даетъ своимъ питомцамъ обеспеченные труды, слѣдовательно и будущность. Г. Лалаевъ не признаетъ возможнымъ въ низшихъ школахъ военнаго вѣдомства вводить техническое производство въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ характеромъ.

Можно согласиться, что предметы обученія мастерствамъ могутъ быть избраны другіе, можетъ быть имъ придется дать иную систему; но едва-ли справедливо мастерство вводить единственно какъ полезное, въ педагогическомъ смыслѣ, упражненіе. „Для насъ—говоритъ авторъ—не столько важно обученіе тому или другому мастерству, сколько *самый процессъ работы, какъ полезное, въ педагогическомъ смыслѣ, упражненіе, какъ производительное наполненіе досуга воспитанниковъ.*“ Намъ кажется, что ремесленныя занятія, если таковыя введутся въ низшихъ военныхъ школахъ, не должны останавливаться на однихъ опыткахъ, въ видѣ досуга или развлеченія.

Нельзя не поблагодарить „Педагогическій Сборникъ“ за приложеніе *систематическаго каталога для фундаментальныхъ библиотекъ военныхъ гимназій*, надъ составленіемъ которыхъ трудилась особая специальная комисія. Надо отдать справедливость строгому выбору назначенныхъ сочиненій.

П. В.

По поводу статьи: Описание мечети Азрета (). (Изъ письма къ редактору.)*

Въ небольшой статьѣ „Описание мечети Азрета“ вкрались нѣкоторыя неточности. На стр. 217 авторъ говоритъ: „начальникъ русскаго отряда вознамѣрился разрушить сначала мечеть Азрета“.... Какъ очевидецъ, считаю долгомъ опровергнуть подобное заявленіе. Мнѣ извѣстно навѣрное, что начальникъ отряда, полковникъ Веревкинъ, подъ начальствомъ котораго я имѣлъ честь тогда состоять, вовсе не имѣлъ въ виду подобнаго бесполезнаго намѣренія; напротивъ, я вполне ясно помню, что онъ приказалъ начальнику артиллеріи, подполковнику Качалову, шадить мечеть, какъ памятникъ древности. Приказаніе это было исполнено съ совершенною точностію, и до послѣдняго дня осады Туркестана ни одного снаряда не было брошено въ мечеть. Но когда начальникъ отряда узналъ, отъ перебѣжавшаго къ намъ киргиза, что именно это обстоятельство — невредимость мечети—поддерживаетъ духъ въ суевѣрныхъ осажденныхъ, которые видятъ въ немъ покровительство ихъ святаго противъ русской артиллеріи, то было приказано произвести двѣнадцать выстрѣловъ по мечети: выстрѣлы эти, конечно, разубѣдили суевѣрный гарнизонъ.

Далѣе авторъ говоритъ, что „мечеть несомнѣнно была бы совершенно разрушена или же покрайней мѣрѣ пострадала бы больше, если бы шейхъ-эль-ислямъ, пренебрегая грозившею ему опасностію, не поспѣшилъ самъ взойти на минаретъ и не поднялъ бѣлаго флага, предвѣстника сдачи города“. Это также не вѣрно: шейхъ-эль-ислямъ не поднималъ бѣлаго флага, и вообще никакихъ знаковъ сдачи не было; напротивъ того, хотя одна часть жителей Туркестана покорилась, другая продолжала стрѣлять въ подходившія къ воротамъ города русскія войска.

Л. МЕЙЕРЪ.

Г. Тула. 13-го сентября 1866 г.

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 8.